

Найди меня

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ната Анти

18+

Ната Анти
Найди меня

«Автор»

2026

Анти Н.

Найди меня / Н. Анти — «Автор», 2026

В центре повествования — захватывающая история двух молодых людей, чьи судьбы переплетаются самым невероятным образом. Ника, девушка из обеспеченной семьи, сталкивается с предательством любимого человека. В один миг её привычный мир рушится, когда она узнаёт о коварных планах своего парня, оказавшегося совсем не тем, за кого себя выдавал. Никита — молодой человек, чья жизнь состоит из бесконечных вечеринок и мимолётных связей. Однако всё меняется после случайной встречи с незнакомкой, плачущей под дождём. Этот образ не выходит у него из головы, наполняя его существование новым, неожиданным смыслом. Два совершенно разных мира, две непростые судьбы и одно общее стремление — найти истину и понять, что такое настоящая любовь. Герои проходят через сложные испытания, которые помогают им лучше понять себя и свои истинные чувства. В романе поднимаются вечные темы: предательство, семейные тайны, первая любовь и поиск своего места в жизни. Смогут ли они преодолеть все препятствия на своём пути?

© Анти Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1.Ника	7
2.Никита	10
3. Ника	13
4.Ника	16
5.Никита	20
6.Никита	24
7.Ника	29
8.Ника	33
9.Никита	40
10.Никита	44
11.Ника	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Найди меня

Глава

Оглавление

1. Ника
2. Никита
3. Ника
4. Ника
5. Никита
6. Никита
7. Ника
8. Ника
9. Никита
10. Никита
11. Ника
12. Никита
13. Ника
14. Никита
15. Ника
16. Никита
17. Ника
18. Никита
19. Ника
20. Никита
21. Ника
22. Никита
23. Ника
24. Никита
25. Ника
26. Ника
27. Никита
28. Ника
29. Никита
30. Ника
31. Никита
32. Ника
33. Никита
34. Ника
35. Ника
36. Никита
37. Ника
38. Никита
39. Никита
40. Ника
41. Никита
42. Ника
43. Никита

44. Ника

45. Никита

1. Ника

Два часа назад я была дома. В голове — только мысли о сегодняшнем вечере. Надеюсь, у него всё получится...

Я кручусь перед зеркалом, перебираю платья, танцую под радио, что играет на фоне. На кухне что-то готовит мама — знакомый, уютный запах наполняет дом. Отца, как обычно, нет. Но это не важно. Главное — я в отличном настроении. Сегодня выступление моего любимого парня!

Егор играет в театре, в постановке «Щелкунчик». Обычно её ставят под Новый год, а тут — в августе. Но театру так захотелось, что ж поделаться. И Егора выбрали на главную роль! Я так им горжусь... У него настоящий талант. Он мечтает стать актёром, поступить в Москву.

Иногда я задаюсь вопросом: как такой, как Егор, мог выбрать меня? У меня самая обычная внешность: зелёные глаза, светлая кожа, рыжие волосы. Фигуры почти нет — мама ласково называет меня бабочкой, говорит, что я нежная и хрупкая. Но отец так не считает. Для него я должна быть ухоженной, чистой и невинной. Никаких откровенных нарядов, причёски — только по особым случаям.

Мама после моего рождения оставила сцену и стала домохозяйкой. Раньше она была актрисой. С папой они познакомились на её выступлении. Она часто рассказывает, как он не отрывал от неё взгляда, словно заколдованный. Роль у мамы тогда была небольшая. После спектакля отец подошёл с букетом красных тюльпанов. Почему именно тюльпаны — так и не объяснил. Мне бы хотелось, чтобы это были розы...

Он начал звать её на прогулки, в кафе. Ходил на все спектакли. Мама сначала даже побаивалась — думала, что он маньяк, и носила с собой перцовый баллончик. Но оказалось, отец просто влюбился. Год они скрывали отношения: он работал в серьёзной компании, а бабушка с дедушкой не хотели видеть в семье какую-то актрису. Они даже выбрали ему невесту — брак по расчёту. Но отец не согласился. Он ушёл из семьи, женился на маме и основал свою фирму.

Так 20 лет назад появилась новая семья: Инга Белова и Эдуард Свитский. Мама не стала брать фамилию отца — хотя, может, ей бы она даже больше подошла.

Стук в дверь вырывает меня из воспоминаний.

— Малышка, ты уже собралась? — мама открывает дверь и улыбается.

— Почти, мам. Не могу решить, какое платье надеть.

Она высокая, брюнетка с голубыми глазами и острыми скулами. Когда встретила отца, была блондинкой, но потом вернулась к натуральному цвету — папа любит естественность. В студенчестве мама была пышной, а после родов всё изменилось. «Хоть бы грудью поделилась», — шучу я про себя.

— Давай посмотрим вместе, — мама открывает шкаф и начинает перебирать вещи.

У неё удивительный вкус — она всегда подберёт наряд на любой случай. Жаль, что ей почти некуда ходить. Дом, кухня, уборка. Максимум — папины рабочие мероприятия, где всё сводится к одному и тому же платью.

— А папа не узнает, что я иду к Егору?

— Это оставь на меня. Мне, конечно, не нравится, что ты его обманываешь. Но у отца такой характер... Он считает, что парень должен появиться в твоей жизни только после института. Очень старомодно.

Если бы он увидел, что я надела юбку выше колена, то устроил бы скандал. А если бы узнал, что я встречаюсь с мальчиком, — вообще бы потерял рассудок. Я рассказала обо всём только маме. Она для меня как подруга.

— Мам, а какие цветы лучше подарить на выступление? — спрашиваю я, примеряя красное платье в горошек.

— Обычно дарят розы, красные или белые. Или что актёр любит... Можешь, как твой отец, тюльпаны подарить, — смеётся она, начиная заплетать мне косички.

— Мам, а за что ты полюбила папу?

— Как-нибудь расскажу, а сейчас ты опаздываешь!

— Точно, спасибо, мам! — я целую её в щёку и выбегаю из комнаты.

На улице небо затягивают тучи, хотя дождя не обещали. «Только бы не пошёл дождь», — думаю я, вызывая такси.

В машине пишу Егору:

Ника: Ты готов? Нервничаешь?

Ника: Скоро буду.

Кладу телефон в сумочку и слушаю музыку. Дорога кажется бесконечной.

По приезде я понимаю, что спектакль уже начался, а я не успела купить цветы. Рядом — цветочный ларёк. «Ничего страшного, если опоздаю на пару минут», — решаю я.

Лилии, розы... Мой взгляд падает на белые тюльпаны. Возьму их. Вдруг они станут символом нашей любви, как у родителей?

Оплачиваю букет и бегу в театр.

Зал уже полон. Я тихо пробираюсь вдоль рядов, стараясь никому не мешать. Место 1Б — он позаботился, чтобы я сидела в первом ряду. Оглядываю сцену — Егора нет.

Спектакль идёт, но его так и не появляется.

После окончания я выхожу из театра и набираю Егору — без ответа. Ещё раз — то же самое. В небе гремит гром. Только дождя не хватало... Мои косы, платье — всё промокнет.

Пишу ему, что буду ждать в кафе за углом, и иду туда.

Внутри — Егор. И с ним какая-то брюнетка.

Сердце замирает. Я в замешательстве. Решаю подойти и разобраться, но не успеваю — слышу своё имя:

— Малыш, когда ты уже с этой Никой расстанешься?

— Потерпи немного, это выгодная партия. Знаешь, кто её отец? Если я женюсь на ней, стану влиятельным человеком.

— А я? Кем я буду тогда?

— Ты будешь моей любовницей. Потом — женой, как только я заберу всё у неё и у её отца. Разведусь с ней — и ты станешь моей.

Моё сердце сжимается от боли. Я готова разрыдаться, но сдерживаюсь. Не покажу ему свою слабость. Он не знает, что я всё слышала.

Подхожу к столику. Брюнетка тут же отодвигается от Егора. Его глаза полны испуга, будто он увидел призрака.

— Ника, ты, что тут делаешь? — голос дрожит.

— Я что тут делаю? Что тут делаешь ты? Кто это?

— Я сейчас всё объясню. Это моя сестра Вероника. Она приехала на спектакль, у неё случилось горе. Я поменялся с другим актёром, чтобы он выступил вместо меня, а сам пошёл помогать сестре.

Как он может так нагло врать?

— Приятно познакомиться, Ника. Я Вероника, — она протягивает руку с улыбкой.

За окном начинается ливень. Гром, суматоха на улице — люди бегут, прячутся.

— Мне не приятно, — я стискиваю зубы. — Егор, я всё слышала. Как ты мог? Я думала, ты любишь меня так же, как и я тебя. Но ты хочешь отобрать у меня всё? Зачем? Что я тебе сделала?

— Ты ничего. А вот твой отец — да. Он использовал моего отца, выкинул его на улицу без зарплаты. Ты не представляешь, как нам было тяжело. Ты — маленькая принцесса, такая хрупкая. Ты даже целоваться со мной не давала, а мне нужен был контакт, близость.

От этих слов боль становится ещё острее. Почему это происходит со мной?

— Хватит! — я резко обрываю его. — Ты жалок. Даже если ты продержишься рядом со мной четыре года, отцовского состояния тебе не видать.

Отец, хоть и строгий, о моём будущем позаботился. В 14 лет он привёл меня к юристам. Тогда я не поняла, о чём речь, но мама позже объяснила: после смерти родителей всё имущество перейдёт ко мне. Если кто-то попытается завладеть им через фиктивный брак или убийство — состояние уйдёт на благотворительность.

— Деньги решают всё, — бросает Егор.

Я больше не могу. Злость бурлит внутри, но я не трогаю его — он не стоит даже моего прикосновения.

— Не смей подходить ближе!

Разворачиваюсь и выхожу под дождь. Ветер ледяной, но капли почему-то тёплые. На лестнице я чуть не падаю, хватаюсь за поручень. Тюльпаны выпадают из рук — белоснежные цветы тут же чернеют в луже.

Слёзы льются сами собой. Я сажусь на лавочку и плачу навзрыд.

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулась, когда какой-то парень предложил помощь. Я грубо отказалась, села в первый автобус и уехала.

Оглянувшись, увидела его силуэт — он всё ещё стоял у лужи, глядя на испачканные тюльпаны.

2.Никита

Прошло два дня, а та зеленоглазка не выходит у меня из головы. Просыпаюсь с мыслями о ней, засыпаю — и снова её глаза стоят перед глазами. Что со мной творится? Никогда такого не было. Раньше девушки для меня были лишь мимолётным удовольствием, способом развеяться. А теперь...

До школы осталось совсем немного. В конце месяца — вечеринка у Макса на даче в честь начала учебного года. Обычно я бы уже предвкушал: море выпивки, доступные девушки... Но сейчас всё это кажется пустым и бессмысленным.

Вечером снова иду в то самое кафе — вдруг она там? Может, живёт неподалёку и часто заглядывает сюда. Но её нет. И снова этот странный зуд внутри — почему она так прочно засела в голове? Почему сердце бьётся чаще при одной мысли о ней?

— Никит, перестань уже печалиться, — чей-то голос вырывает меня из раздумий.

Ко мне на колени усаживается рыжеволосая девчонка с пивом в руке. Стройная, уверенная в себе. Я даже забываю, что всё ещё в гостях у приятеля.

— Скажи-ка, как тебя зовут? — тихо спрашиваю я, невольно скользя взглядом по её ноге.

— Милый, называй меня как захочешь, будь кем пожелаешь, — она улыбается, чуть наклоняясь ко мне.

Я машинально начинаю покрывать поцелуями её шею. Кожа тёплая, пахнет ванилью. Её стоны будоражат кровь, тело требует продолжения. Губы находят её губы — страстно, почти отчаянно. Она цепляется за мои плечи, подстёгивая двигаться дальше.

— Если хотите уединиться, прошу, перейдите в другую комнату, — раздаётся голос Стаса.

— Стас, ну что ты вечно как непрошенная тень? — бросаю я с усмешкой, но девушку не отпускаю.

— Непрошенная тень? Да это единственное невинное место в квартире, до которого ещё не добралась похоть твоего... инструмента, — парирует Стас, буравя меня взглядом.

Мой друг — крепыш среднего роста, с вороньим крылом коротко стриженных волос. Когда-то его дразнили Щепкой, но спортзал превратил гадкого утёнка в Аполлона. Будь я дамой, наверняка бы соблазнился. Но его призвание — обрывать мои полёты в самый разгар.

Вечеринка в разгаре, а мне вдруг становится тошно от всего этого. Ещё недавно я бы с радостью воспользовался предложением, но сейчас...

Внутри пустота. Всё лето я только и делал, что крутил романы на вечеринках у друзей. Перед учёбой старался «запасть» удовольствиями, ведь скоро придётся корпеть не над телами девушек, а над учебниками. Последний год школы — решающий: нужно закончить её и уехать из этого города куда-нибудь подальше.

— Малыш, пойдём со мной, я открою тебе космос, — шепчет рыжеволосая, беря меня за руку и увлекая в полумрак комнаты.

— Спасибо, конечно, но что-то совсем не тянет, — я вырываю руку и плюхаюсь обратно на диван рядом с Саней. Завтра утром, наверное, буду корить себя за это, но сейчас мне всё равно.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно спрашивает Саша.

— Абсолютно. Просто ты моего дружка прилюдно унизил своим поганым языком, — цежу я, поднося банку пива к губам.

— Если бы я не вмешался, ты бы на глазах у всей этой пьяной толпы вытряс из неё душу, не оставив ни капли!

Душа...

Есть ли она у меня? После таких встреч я полон энергии, словно искупался в источнике молодости. А девушки... будто выжатый лимон.

— Я что, идиот, чтоб демонстрировать, как краду души? — подмигиваю другу, играя бровями.

В компании за мной закрепилось прозвище Демон. Говорят, после меня девушки словно увядают. Шептались, будто мои карие глаза чернеют от вожделения, когда я вижу новую жертву. Глупости, конечно. Просто совпадения.

— Ой, зная твою натуру, ты бы только удовольствие получил от осознания, что на тебя так смотрят, — усмехается Стас.

— Не будь ты моим другом, давно бы отправил в нокаут. Но если не ты, кто тогда будет поставлять мне этих ангелов?

Я вспоминаю, как Стас менялся — из неуверенного подростка в уверенного красавца. Когда родители подарили ему квартиру на пятнадцатилетие, он словно магнит начал притягивать взгляды девушек. Помню его первый раз...

Он светился так, что, казалось, мог затмить луну. Отмечал это с нами, пацанами, закатил такую пирушку, что искры летели.

— Ты так говоришь, будто я, прости господи, жиголо какой-то, — ворчит Стас.

— Да ладно, малыш, не кипятись, — мурлычу я.

— Никитос, иногда твоя рожа так и просит кирпича. Тебе не домой пора? А то мамка с папкой ремня вломят.

При упоминании отца кровь вскипает. С ним нас связывают узы, сотканые из напряжения и недосказанности. Он появился в моей жизни после смерти мамы, когда мне было семь. Рак вырвал её из этого мира, а отец... Он был призраком — появлялся раз в год, на день рождения, да когда пора было платить алименты.

Потом, когда я остался один, он взял меня к себе. Не из любви — из чувства долга. Условие было простым: безупречная учёба, никаких проблем. Взамен — оплата любого вуза и поддержка. Без его влияния в этом городе я — пыль. Я старался быть хорошим сыном, но внутри зрело что-то иное.

— Увидимся завтра в кафе около театра? — спрашиваю я, натягивая куртку.

— Никит, да что тебя туда так тянет? Уже третий раз туда ходишь! Там что, мёдом намазано? Официантка приглянулась? — Саша лукаво щурится.

Я молчу. Не хочу делиться с ним тем, что случилось у кафе. Он бы только подколот, растрезвонил всем. Нет, это только моё. Сначала нужно разобраться, что со мной происходит.

— Не угадал. Повариха там такая сочная, что язык проглотишь. А формы... будто спелое тесто, так бы и помял, — бросаю я, направляясь к выходу.

— Не знал бы тебя, заподозрил бы неладное, — усмехается друг.

— На телефоне, — киваю я.

— Напиши, как до дома доберёшься, котик, — тянет он с ехидной ухмылкой.

Послав другу неприличный жест, я вызываю такси. В ожидании машины смотрю в небо, затянутое предзимней серостью. Что сейчас делает эта зеленоглазая? Всё ли у неё в порядке? Почему меня это так тревожит? Словно она — ведьма, околдовавшая меня. Или зеленоглазая дьяволица, пленившая душу. Из нас бы вышла дьявольски прекрасная пара...

В такси я открываю соцсети, листаю группы кафе, вглядываюсь в лица подписчиков. Ищу хоть какое-то сходство с ней. А если не найду? Если так и не пойму, чем она меня так притягивает?

До дома отца добираюсь быстро. Расплачиваюсь с таксистом и вижу в дверях Михаила, личного водителя отца.

— Добрый вечер, Никита Александрович.

— И тебе добрый. Что ты тут делаешь? — удивляюсь я.

— Мне нужно вашего отца отвезти. Вы сегодня поздно, что-то случилось?

— Нет, просто гулял по городу, ловил ускользающие мгновения лета.

— Понял. Доброй ночи.

— И тебе. Будь осторожен на дорогах, — бросаю я, поднимаясь по лестнице.

Михаил всегда был ко мне добр... Интересно, куда отец мог уехать в такой час? Хорошо, что не встретил его. Обошлось без нотаций, без напоминаний о том, что я лишь тень его величия и должен следовать его правилам.

Приняв душ, я падаю в постель. Мысли снова уносят меня к ней...

«Надеюсь, я найду тебя. Должен найти, чтобы развеять эту необъяснимую тоску», — думаю я, закрывая глаза.

3. Ника

Три дня я провела в четырёх стенах, пытаясь осмыслить кошмар, разыгравшийся в кафе. Отец робко стучал в дверь, обеспокоенно выпрашивая о моём здоровье и настроении. Он и не подозревал о существовании Егора — и о той сцене, что разбила моё сердце на осколки.

Маме я не осмелилась рассказать всего. В её глазах застыл неподдельный ужас, когда я, заливаясь слезами, ворвалась в дом и заперлась в своей комнате до рассвета, не обронив ни слова.

Утром я выдавила из себя правду: Егор предал меня, осыпая поцелуями другую. Ярость вспыхнула в маминых глазах. Она поклялась покарать его, заявив, что никто не смеет ранить её хрупкую бабочку. Её яростная защита согрела моё израненное сердце. Если бы она узнала всю правду, отцу невозможно было бы это утаить... А это предвещало бурю, последствия которой страшно даже представить.

Поднимаюсь с кровати и первым делом тянусь к телефону — проверяю почту. А вдруг Егор написал? Не то чтобы я ждала... Просто... любопытно. Для первых отношений всё вышло до смешного грустно.

Тогда он казался мне единственным, родственной душой, словно вырванной из глубин моего воображения. До сих пор помню нашу встречу в той пыльной комнате, пропахшей старыми книгами.

Он написал первым — заметил мой комментарий под постом о прочитанной книге. И завертелось... Мы проболтали всю ночь напролёт, словно давно потерянные половинки, обнаружив невероятное количество общих интересов. Он учился в другой школе — восемнадцатилетний мечтатель, на год старше меня. Бредил Санкт-Петербургом, медицинским университетом, мечтал стать хирургом.

Сейчас эта мечта вызывает лишь тревогу — словно змея, незаметно ужалившая доверие. А вдруг он намеренно разузнал обо мне всё, чтобы втереться в доверие, покорить неопытное сердце? Три месяца онлайн-разговоров — и вот он, момент истины: предложение встретиться.

Меня смутило это предложение — первое в моей жизни. Окрылённая, я поделилась новостью с мамой. Она поддержала, но предупредила: для семнадцатилетней девочки это хороший опыт, но не стоит растворяться в человеке целиком.

И каждый раз во время наших редких прогулок он словно пытался доказать мамину правоту: настойчиво тянулся к поцелуям, позволял себе лишнее. Я знала, что мальчики в его возрасте уже познали запретный плод. Но меня это не влекло. Лекции о контрацепции в школе въелись в память, рисуя перспективу нежеланной беременности в семнадцать как мрачную карикатуру.

В моей душе цвело табу: секс — только после алтаря. Хотелось верить, что это будет таинство с одним-единственным, на всю жизнь. Но губы мои жаждали поцелуев, манили неизведанным. Когда Егор тянулся ко мне, во мне росла неловкость — словно фальшивая нота в симфонии. Я мечтала о первом поцелуе — нежном, чувственном, как в кино.

И я счастлива, что Егор не коснулся моих губ. Смыв с себя его тень под душем, я решила: сегодня — день шопинга с девчонками. Пора обновить гардероб к школе и развеять тоску. Он не заслуживает моих страданий. У меня есть гордость, есть достоинство. Как говорит мой отец: «Голову выше, малышка! Архиповы должны держать удар».

Усевшись на диван, набираю номер Сашки:

— Привет, ну где ты запропастилась?

— Здравствуй. Дома отсиживалась, пыталась прийти в себя.

Саша, узнав о нашем разрыве, чуть ли не в ладоши захлопала. Ей он сразу не приглянулся — говорила, что он чудной и вульгарный. Не перебаривает таких.

— Надеюсь, тебе сейчас лучше. Мы с Катей места себе не находили.

Катя...

Она тоже была в курсе моей истории с Егором. Но ей было глубоко безразлично. Никогда не вмешивалась в отношения подруг, всегда сохраняя преданность нашей стороне.

— Ей я тоже сейчас наберу.

— Что в планах на сегодня?

— А давайте в торговый центр? Шоппинг, все дела... Нужно что-то к школе прикупить. До неё всего ничего осталось, а у меня конь не валялся.

— Отличная идея. Тогда встретимся у кафе... Ну, помнишь, возле театра? Мне нужно сестре ключи занести.

Мне стало не по себе. Это кафе теперь вызывает не самые приятные воспоминания, да и в театр я в ближайшее время точно не пойду.

— Договорились. Через час подойдёт?

— Идеально. До встречи.

— До встречи.

Уронив телефон на подушку, я задумалась о школьных покупках. Но первым делом нужно созвониться с Катей. Набираю номер — не отвечает. Отправляю ей сообщение в наш общий чат.

Что бы перекусить? Спустившись на кухню, я застала маму: она увлечённо пританцовывала с лопаткой в руке. Заметив меня, даже вздрогнула от неожиданности.

— Ох, дочка, напугала, сердце в пятки ушло! Я уж думала, ты ещё в объятиях Морфея.

— Нет, проснулась. Решила заморить червячка перед вылазкой, — прощобетала я, усаживаясь на стул и тянясь за бананом.

— Куда это ты намылилась спозаранку? — мама, помешивая что-то аппетитное в сковороде, приподняла бровь.

— Да с девчонками в торговый центр. Нужно прикупить кое-что к школе. Совсем я не готова к учебному году.

— Ну хорошо, только смотри не задерживайся. Мы с папой волнуемся, знаешь ведь. Да и на ужин тебя ждёт твоё любимое блюдо — картошечка с мясом, — промурлыкала мама, нежно погладив меня по волосам.

Я посмотрела на неё внимательнее. В движениях — лёгкая тоска, в глазах — тень чего-то невысказанного.

— Мам, а ты никогда не мечтала вернуться на сцену? — спросила я, откусывая кусок домашней пиццы.

— К чему этот вопрос, солнышко?

Я видела, как маме тоскливо в четырёх стенах. У нас всего в достатке — можем позволить и изысканного повара, и прислугу, — но дом держится только на её хрупких плечах. Папа не разрешает ей работать, я знаю. С подругами она видится украдкой: мельком перекинувшись парой фраз, когда ходит в магазин, или на светских раутах. Мне так её жаль — она словно экзотическая птица в золотой клетке. Что за страх гложет отца? Почему он ни на шаг не отпускает её от себя?

— Как не мечтала! Я до сих пор помню, как гремели аплодисменты после «Мастера и Маргариты». Хочу ещё раз искупаться в этой буре оваций, — тихо прошептала мама, потупив взгляд.

— Так почему ты не поговоришь с папой? Почему он не даёт тебе возможности блистать? — выпалила я, жадно отпивая глоток сока.

— Это всё такие сложные материи... Когда вырастешь, поймёшь. Тебе сейчас это ни к чему, — прошелестела она, поцеловав меня в щёку.

— Ладно, тогда я побегу.

Выпорхнув из кухни, я устремилась в свою комнату. Наспех натянула джинсовую юбку, дополнив её белоснежной рубашкой и красными балетками. Хоть бы сегодня дождь не разразился...

Выбегая из дома, я крикнула маме на прощание и вызвала такси. Как же не хочется идти в это дурацкое кафе. А вдруг там объявится Егор? Я строчила эсмэски девчонкам, сообщая, что уже в пути.

«Сегодня всё будет хорошо», — повторяла я про себя, растворяясь в ярких красках утреннего города.

4. Ника

Приблизившись к кофейне, я замерла в нерешительности — словно перед пропастью. Судьба с горькой иронией занесла меня сюда: именно в этом кафе подрабатывала Ольга, сестра Саши, о существовании которой я не подозревала ещё три дня назад. От неё Саша и узнала о моей злополучной встрече с Егором — новость обрушилась на меня, как гром среди ясного неба.

Переступив порог, я ощутила, как внутри всё сжалось — будто сердце сдавили ледяные тиски. Стараясь не выдать бурю эмоций, я заняла столик у окна, надеясь спрятать за стеклом свою растерянность.

Не прошло и минуты, как ко мне подошла Ольга.

— Ника, привет! Ты рано — Саша говорила, вы договорились на три, — улыбнулась она.

Ольга... Высокая, статная девушка с иссиня-чёрными волосами, контрастирующими с пронзительными голубыми глазами. Смелое сочетание, возможно, немного дерзкое для её юного лица. Ей было около двадцати, она училась на психолога. По рассказам Саши, они были очень близки — сколько раз Ольга выручала сестру, принимая вину на себя! Помню, как однажды взяла на себя ответственность за разбитую вазу, и Сашке пришлось целый месяц мыть посуду вместо неё. Для меня Ольга была словно старшая сестра — всегда готовая выслушать и поддержать.

— Просто не хотелось опаздывать, — ответила я. — Давно здесь работаешь?

— Около месяца. Удобно: подработка рядом с колледжем. Как ты себя чувствуешь? — спросила она, вглядываясь в моё лицо с тревогой.

— Если ты о том, что произошло... Всё хорошо, спасибо за беспокойство. Не переживай, я справлюсь, — я старалась говорить уверенно, но внутри зияла пустота, словно что-то безвозвратно сломалось. Я отчаянно пыталась скрыть свои переживания, надеясь, что никто не заметит трещину в моей душе.

— Я хотела тебе кое-что рассказать, — тихо произнесла Ольга, присаживаясь напротив.

— И что же? — поинтересовалась я.

— Я часто видела Егора здесь... с той девушкой. Если бы я знала, что это твой парень, я бы тебя предупредила. Мне так обидно за тебя стало в тот момент. Хотела подойти, поддержать... Но потом я увидела, как ты гордо подняла голову и ушла. Поняла, что ты сильная и сможешь за себя постоять, — закончила она, ободряюще улыбнувшись.

Её слова были словно соль на открытую рану — жгучие и невыносимые. Знай Ольга Егора раньше, этой болезненной сцены могло и не быть. Я могла расстаться с ним раньше, не терзая себя напрасными надеждами. Но поверила ли бы я тогда её словам?

— Вот как... Спасибо тебе, в любом случае, — произнесла я, выдавив слабую улыбку.

За окном мелькнули силуэты девчонок. Их лучезарные улыбки согрели душу, словно первые весенние лучи. Как же я счастлива, что они у меня есть!

Наша дружба зародилась не сразу. Когда я перешла в новую школу, одноклассники встретили меня враждебно: «Мажорка, выросла с золотой ложкой во рту», — бросали мне в спину. В нашем захолустье не было элитных школ, достойных моего статуса, поэтому пришлось идти в обычную — хотя в городе она считалась лучшей.

Многие пытались подружиться со мной из-за денег, надеясь что-то получить. Но быстро поняли, что я умею огрызаться и могу быть злой. Меня начали бояться. И только Саша и Катя разглядели во мне родственную душу. Мы вместе пропадали в библиотеке, обедали в столовой. Оказалось, мы обе обожаем корейские сериалы и без ума от всего корейского и китайского.

Наша дружба прошла через многое: первые робкие отношения Кати, разбитое сердце Саши, безответную влюблённость в новоиспечённого школьного красавчика. Рядом с ними

я могла быть собой настоящей — не той хрупкой бабочкой, какой меня все считали. Если я когда-нибудь потеряю нашу дружбу, то лишусь самого дорогого, что у меня есть после родителей.

— Ника! — взвизгнули девчонки, бросаясь ко мне на шею.

— Девчоночки мои, — прошептала я, утопая в их объятиях.

И в их тепле моя боль словно растворилась, улетучилась, оставив лишь лёгкую дымку воспоминаний.

Окинув взглядом подруг, я заметила, как они по-своему прекрасны в своей летней простоте.

Сашка, с её мальчишеской короткой стрижкой, казалась воплощением юной весны. Светлая кожа оттеняла русые пряди, а глаза-хамелеоны — изменчивые, как морская волна, — то искрились зеленью на солнце, то теплели карим в тени. Сегодня на ней были джинсовые шорты и белая футболка с затейливым ажурным вырезом, сквозь который робко проглядывала соблазнительная ложбинка. Завершали образ белые кеды. Сашка всегда притягивала взгляды: фигура — точёная статуэтка, пышная грудь, осиная талия. Единственное, что её смущало, — «отсутствие тыла», как она выражалась. Мечтала перекачать туда жир, когда исполнится восемнадцать.

Катка, длинноволосая златовласка с изумрудными глазами, была полной противоположностью. Фигура хоть и не модельная, но не без изюминки: грудью природа её обделила, зато щедро наградила упругой попкой. Они всегда подшучивали, что идеально дополняют друг друга. Катя была яркой сторонницей натуральности: косметика для неё — табу, уж лучше веснушки, рассыпавшиеся по щекам, как золотая пыльца. Длина её волос почти достигала колен. Сегодня на ней был джинсовый комбинезон и белая рубашка с короткими рукавами, на ногах — простые белые сланцы.

— Девчонки, вы всегда одеваетесь как близняшки? — поинтересовалась Ольга, поднимаясь из-за стола. В голосе её звучало скорее удивление, чем упрёк.

— Нет! — хором откликнулись мы, будто сговорившись.

Ольга одарила нас лучезарной улыбкой, приняла заказ и скрылась за дверью кухни, оставив нас наедине с предвкушением грядущего дня.

— Итак, дамы, каков наш план действий? — провозгласила Катя, расплываясь в предвкушающей улыбке.

— Думаю, сначала канцелярия, потом совершим набег на магазины одежды и обуви. А завершим всё это великолепиие ужином в уютном кафе. Как вам такое? — предложила я, обводя подруг взглядом в поисках поддержки.

— Мне план ясен, готова следовать за тобой хоть на край света! — воскликнула Саша, полная энтузиазма.

— Ну мне-то план тоже понятен, только давайте сразу оговорим один маленький, но важный пункт: сегодня никаких мальчиков! — заявила Катя, поднимая указательный палец.

— Ой, началось! Сама же обожаешь, когда к нам подкатывают парни. Как ты их там называешь? «Новая кровь»? — поддразнила её Саша, закатывая глаза.

Девчонки, чего греха таить, любили мужское внимание. Я ещё помнила, как томилась в ожидании на лавочке в торговом центре, пока они обменивались с очередными поклонниками номерами телефонов и многообещающими фразами.

— Давайте сегодня устроим маленький девичник, без этих... ухажёров, хорошо? — произнесла я, украдкой заглядывая в телефон, надеясь избежать назревающего спора.

Пока девчонки живо обсуждали, какое кафе выбрать для вечернего празднования нашей свободы, нам уже принесли заказ. Весело уплетая разноцветные коктейли и сочные куски пиццы, мы мигом выскочили на улицу, готовые к новым приключениям. На выходе мы неловко

задели троих парней, входивших в кафе. Пробормотав извинения, юркнули в ожидающее такси и умчались в сторону сияющего огнями торгового центра.

По прибытии мы разделились. Девочек откровенно тяготили отделы, в которых бродила я — им казалось, что там витает дух непозволительной роскоши. А меня, в свою очередь, воротило от набитых синтетикой и дешёвизной бутиков, запавших в душу подругам.

— Встречаемся у канцелярии через полтора часа, — бросила я, скользнув взглядом по экрану телефона.

— Слушаемся и повинемся, мэм, — отозвались девчонки хором, вкладывая в слова комичную подобострастность.

Поднимаясь по эскалатору, я решила первым делом заглянуть в «Читай-город». Мама вечно недоумевала: почему я с такой щедростью спускаю деньги на книги и так скупко — на одежду и косметику? Я же полагала, что хорошо переплётённые истории принесут мне куда больше удовольствия и пользы, чем мимолётные тренды и блестящие безделушки. Вкус у меня был безупречный — спасибо маме: она утверждала, что девушка должна быть как дорогая машина, обладать которой дано лишь избранным.

Шагнув в книжный магазин, я тут же утонула в воспоминаниях. Именно здесь, среди полок, уставленных томами, состоялась моя первая встреча с Егором. Мы часами обсуждали любимых авторов, спорили о героях, делились впечатлениями от недавно прочитанных книг. Тогда я впервые почувствовала себя живой, поняла, что нашла человека, который любит меня за то, что я люблю, за то, кем я являюсь, а не за толщину моего кошелька.

Папа всегда твердил, что свой статус нужно скрывать от посторонних глаз — никогда не знаешь, какие корыстные цели ими движут.

Знал бы он, что это уже произошло, — запер бы меня дома под семью замками.

Папе вообще не нравилась идея школы и друзей; он был категорически против, но маме отказать не мог. Она считала, что общение со сверстниками мне необходимо — без него я бы совсем замкнулась в золотой клетке нашего особняка.

Лениво прогулявшись по магазинам одежды, я присмотрела пару платьев с лаконичным кроем — ничего кричащего, только чистые линии и благородные оттенки. Направляясь к отделу канцелярских товаров, я невольно замедлила шаг: девочек там не было. Я уже собралась звонить, как вдруг меня отвлек мальчуган с растрёпанной светлой головой.

— Простите... вы не могли бы мне... позвонить? Пожалуйста, — всхлипнул мальчик. Слезы ручьями текли по его щекам, оставляя мокрые дорожки. — У меня телефон сел... А мне нужно маме сказать, где я...

— Ну что ты, не плачь, — я мягко приобняла его за плечи, отводя к ближайшей скамейке. — Ты же будущий мужчина. А мужчины слёз не льют. Держи, звони.

Дрожащими пальцами набрав номер, мальчик прижал телефон к уху. В трубке послышался дрожащий от страха голос матери — измученной тревогой за сына. Успокоив её, объяснив, что он в торговом центре и ждёт на первом этаже, мальчик протянул мне телефон.

— Спасибо вам огромное, — прошептал он, робко обняв меня.

— Беги к маме, — улыбнулась я ему в ответ. — И помни: всегда бери с собой зарядку или повербанк. Это как спасательный круг.

Он побежал, а я, проводив его взглядом, услышала за спиной знакомые смешки.

— Ну что, у нас сегодня вечер знакомств с мальчиками? — с усмешкой спросила Саша.

— Я, конечно, понимаю, тебе сейчас одиноко, но заигрывать с малышняй... это уже перебор, — с притворным ужасом подхватила Катя, театрально закатывая глаза.

— Да какое заигрывать! Просто помогла ребёнку маме позвонить. У него телефон разрядился, — ответила я, поднимая с лавки пакеты с покупками.

— Ах, ты даже успела с мамой познакомиться? Как это мило! — продолжала подтрунивать Саша, лукаво улыбаясь.

Не отвечая, я направилась к канцелярскому магазину. Проведя там ещё около сорока минут, мы двинулись к выходу. Сил на кафе уже не было — ноги гудели от усталости, а в голове крутились обрывки разговоров и впечатлений дня.

Проводив девочек до такси и вызвав машину себе, я увидела знакомое лицо и невольно улыбнулась. Мальчик, заметив меня, радостно замахал рукой. Его мама, поняв, что я и есть та самая спасительница, тоже приветливо кивнула.

Как же приятно быть чьим-то героем, пусть и маленьким. В этот момент я почувствовала, что день, начавшийся с тяжёлых воспоминаний, всё-таки обернулся чем-то светлым.

Устроившись на заднем сиденье такси, я уже предвкушала выбор новой книжной жертвы. Ночь обещала быть долгой — в тишине, с шелестом страниц и ароматом типографской краски.

Расплатившись с таксистом и выудив пакеты из багажника, я вошла в дом. В гостиной, перед телевизором, сидели мои родители.

— Уже вернулась? — приветливо спросила мама.

— Что-то ты мало купила, дочка. Обычно ты намного больше приносишь, особенно когда к школе готовишься, — заметил папа, отпивая вино из бокала. Его взгляд скользнул по пакетам, и я уловила тень недоумения.

— Устали мы сегодня. Хотели ещё в кафе зайти, но сил совсем не осталось, — ответила я, надевая тапочки.

— Ты голодна? — заботливо поинтересовалась мама, поднимаясь с дивана.

— Нет, — отмахнулась я, поднимаясь по лестнице. — Просто хочу отдохнуть.

Сейчас я мечтала только об одном: о горячем душе и новой книге. Приняв душ и разобрав покупки, я решила включить аудиокнигу. Уютно устроившись в кресле с пледом, я нажала «play». Знакомый голос чтеца заполнил комнату, и спустя всего пять минут я оказалась в царстве Морфея, где сны переплетались с книжными сюжетами — яркими, живыми, полными новых возможностей.

5.Никита

Утренний свет едва коснулся лица, вырвав меня из цепких объятий сна. Поднимаясь с постели, я остро осознал, как сильно нуждаюсь в освобождении — в бегстве от её призрачного, зеленоглазого преследования.

Прошлая ночь вновь подарила её в сновидении. В платье цвета лунного света, с шаловливыми кудрями мы брели по кромке прибоя. Реальность ощущалась до мурашек: её прикосновения словно отпечатались на коже. Кто она, эта незнакомка из грёз? И почему я позволил ей ускользнуть тогда, без боя? Неужели я, всегда расчётливый и сдержанный, пал жертвой наваждения? Бред какой-то. Расскажи кому — поднимут на смех, решат, что разум помутился.

Она — мой личный кошмар и наваждение. Я — одержимый охотник, преследующий ускользящую тень. Тщетные поиски выматывают душу. Сегодня же отправлюсь в то кафе, разведу обстановку. Может, кто-то её знает, поможет развеять морок. Лишь бы не сочли за безумца и не вызвали санитаров.

Поднявшись с кровати, набрасываю короткое сообщение друзьям в чат:

Все в силе? — Никита

С тебя кормёжка, братан, — Стас

Нафиг кафе, рванем в клуб? — Саня

В кафе нужно. Кое-что разузнать. — Никита

Может, номер той поварихи взять? Да брось ты, брат, она тебе не сдалась! Давай я тебе другую найду? Она тебе в матери годится! И вообще, это на другом конце города, Саня.

— *Стас*

Ты так и не объяснил, как ты в тот раз там очутился. Это ж совсем не наш район.

— *Стас*

Проигнорировав настойчивый трезвон телефона, я направился в ванную. Душ... Вот где можно смыть с себя налипшую за ночь усталость и чужие глупости.

Ополоснувшись и накинув майку с шортами, спустился на кухню. Картина, развернувшаяся внизу, не сулила ничего хорошего. Отец и его пассия... Я не испытывал к ним ничего, кроме глухого раздражения. Смотря на них, всё отчётливее понимал: любовь — всего лишь мираж, гормональный всплеск, не больше.

Он её не любит. Она любит, но исключительно его кошелёк. Не постигаю, что он в ней нашёл. Она даже родить ему не может! Всё твердит о суррогатном материнстве, боится фигуру испортить. А отец... Он не хочет ребёнка из инкубатора — словно вещь заказать по каталогу.

Как он мог променять мать на эту разукрашенную куклу? Анна никогда не отличалась особой изысканностью. Волосы, будто пропитанные ядовитой химией, отливали неестественной сединой. Зачем так себя уродовать краской — уму непостижимо? Фигура вылеплена, грудь — силиконовое наваждение, а о заднице и говорить не хочется: наверняка искала хирурга, готового наспиговать её жиром, чтобы придать нужную форму. Была ведь когда-то красива, не отнять, но с каждым годом всё больше становилась бездушной копией Барби.

Порой мне чудится, будто она жаждет меня больше, чем моего отца. Бывало, заигрывала со мной, когда отца не было рядом или он отворачивался. Чего греха таить, я и сам её желал — но лишь из мести отцу.

Отец у меня — типичный мужчина под сорок: борода, пронзительно голубые глаза. Внешность эта досталась мне от него, но глаза — материнские. Молю Бога, чтобы к своим сорока я не выглядел так же. Или, быть может, уже сейчас пообещать себе пластику?

Войдя на кухню, я увидел, как мачеха сидит за столом, бесцеремонно закинув ноги на колени отца. Меня заметили не сразу... или просто не хотели замечать.

— Ты когда вчера вернулся? — грубо спросил отец, не отрывая взгляда от телефона.

— Вовремя. Михаил разве не сказал? Мы встретились с ним, когда вы уехали, — ответил я, делая глоток молока. Ледяное безразличие скользнуло в голосе.

— Наверное, сказал. Я не придавал значения, — буркнул он, продолжая неистово скроллить ленту. Его пальцы танцевали по экрану, словно играя бессмысленную мелодию.

— Как обычно, — пробормотал я себе под нос, чувствуя, как раздражение поднимается волной.

Сделав себе пару бутербродов и налив кофе, я направился к себе в комнату, желая скрыться от этой утренней сцены. Но не успел я покинуть кухню, как отец грубо одёрнул меня за рукав.

— Приди в себя пораньше, мне нужно с тобой поговорить, — в голосе звучала неприкрытая требовательность.

Не ответив, я вырвался из его хватки и ушёл. Интересно, о чём он хотел поговорить? Может, о моём поступлении в Москву? Эта мысль заставила сердце забиться быстрее. Поступление в Москву на программиста — моя мечта, мой маяк в серых буднях. Компьютеры, код, алгоритмы — вот моя стихия.

В пятнадцать лет я написал свою первую программу для телефона, но так и не смог оформить патент. Да и отец... Он всегда считал это глупой забавой, а не профессией. Он мечтал, чтобы я пошёл по его стопам, поступил на экономический. Хотел, чтобы я работал только на него, ведь я его единственный наследник.

Усевшись на край кровати, я погрузился в поиск нового ноутбука. Мой старый друг, верный помощник, увы, безнадёжно устарел. Технологии не стоят на месте, прогресс несётся вперёд, словно необузданный скакун.

Новый iPhone, конечно, тоже манит, но пока придётся подождать. Ноутбук важнее — он необходим для учёбы в институте. Просмотрев несколько моделей, достойных внимания, я добавил их в закладки. Отключив телефон, попытался немного вздремнуть, но сон не приходил. В голове снова возник её образ. На мгновение я задумался: каким ароматом пропитаны её волосы? Какой вкус скрывают её губы? В ту мимолетную встречу я не успел толком разглядеть её лицо. Смогу ли я когда-нибудь забыть её или хотя бы найти?

Из лабиринта мыслей меня вырвал звонок телефона. Незнакомый номер.

— Слушаю, — ответил я.

— Это Крис. Твой номер мне дал Саша. Ты собираешься приехать к Игорю на дачу в выходные? — раздался в трубке голос девушки.

— Привет, Кристина. Да, собирался. Но зачем тебе моё присутствие там? — ответил я с улыбкой.

— Хотела бы повторить нашу встречу.

— Спасибо за предложение, я подумаю. Пока.

Сбросив звонок, я решил набрать Саше.

— Да, братан, — отозвался Санек.

— Слышь, инфузория, ты с какого перепугу мой номер девкам сливаешь? — прорычал я в ответ.

— Клянусь, не давал твой номер! Твои правила — закон. Кто звонил-то?

— Какая-то Кристина, жаждет повторить нашу встречу у Игоря.

— Так ты ж не пойдёшь, у тебя раут с папенькой, — хмыкнул Саша.

— Да хоть бы и пошёл, я девкам второй ночи не дарю. Редчайшие исключения, когда сам захочу, но таких пока не было.

— Никит, такими темпами скоро и баб в городе не останется, с кем ты не спал.

— Да останутся. Год ещё протяну, и поеду новые горизонты покорять.

— Жалко тебя, последний месяц своего друга выгуливаешь, — посочувствовал Санек.

— Ты так сказал, будто мой член — это пёс. Пёс принадлежит одному хозяину, а мой — вольная птица, с кем хочет, с тем и вьётся!

— Не зарекайся. Встретишь ещё ту, что твоего пса приручит, да так, что он и думать забудет о других.

— Если уже не встретил, — пробормотал Никита загадочно.

— Это ты о чём?

— Забей. Встретимся в кафе, и если выяснится, что ты мне набрехал, то твоё лицо поближе познакомится с моим кулаком.

Отбросив вызов, рухнул на кровать. Может, друг и прав. Когда-нибудь ведь придётся расстаться с этой жизнью в тени, стать верным псом. Для меня это звучало как злая шутка. Чтобы я полюбил, привязался к одной? Ерунда какая-то.

А что, если это случилось? Чувство влюблённости испытал лишь однажды. В семь лет, на новогоднем балу у какого-то важного чина, с которым сотрудничал отец.

Подойдя к столу, я выдвинул ящик, приподнял доску тайника. Взял в руки белый платок, запечатанный в зип-пакете. Тончайшая ажурная вышивка опоясывала его, а внизу красовались вышитые инициалы: Н.А. Давно я не держал его в руках. Как сейчас помнил тот день...

Десять лет назад.

Отец решил, наконец, показать меня свету. Выбора у меня не было — пришлось согласиться. Он пообещал, что если я буду вести себя хорошо и всё пройдет гладко, он купит тот конструктор, о котором я просил его несколько месяцев. Баловать подарками он не любил — только на Новый год и дни рождения, своего рода снисхождение.

Подъехав к роскошному трёхэтажному белому дому, украшенному гирляндами, я сразу понял: здесь соберутся сливки общества. Из дома я выбирался редко — только на дополнительные занятия и кружки. Отец мечтал вырастить из меня достойного сына, вот только забыл, что начинать нужно было раньше — до того, как он променял нас с мамой на молоденькую.

Он жаждал доказать всем, что он хороший отец, что у него есть наследник. Только вот я не хотел быть его наследником — вечной тенью, тянущейся за его успехом. Я грезил о своём собственном пути, о деле, которое зажжёт мой внутренний огонь. Отцу я благодарен лишь за кров над головой, не более.

Переступив порог дома, мы попали в царство вышколенных горничных. Они приняли наши вещи, а нас направили в огромный зал. В центре, словно лесная царица, возвышалась ёлка, усыпанная огнями, а под ней — горы сверкающих подарков. К моей радости, я оказался здесь не единственным ребёнком.

Представив меня важным для него гостям, отец тут же спровадил меня к остальным детям — в игровую комнату на втором этаже. За дверью царил хаос: кто-то швырялся игрушками, кто-то ревел в три ручья, а кто-то, блаженно прикрыв глаза, уплетал сладости. Я подошёл к столу, взял стакан сока и кусок пиццы — оставалось лишь дожидаться конца этого фарса и вернуться в свой мир. Здесь мне было неудобно, чуждо.

Забившись в угол, я принялся за пиццу. Вдруг, словно вспышка, в памяти возник образ мамы. Какой бы она была сейчас? Что бы мы делали вместе, если бы она не оставила меня? Помню, как перед Новым годом мы всегда писали письмо Деду Морозу... Воспоминания о днях с мамой смутны, отрывочны — мне ведь тогда было всего пять лет. Но те крохи, что остались в памяти, я бережно храню, словно драгоценные камни.

Я не заметил, как по щекам покатались слёзы. Отец всегда твердил, что слёзы — удел женщин, мужчина не должен плакать. Горечь жгла горло обидой и детским бессилием.

Вдруг предо мной возникла словно видение — белокурая девочка в красном платье, с короной, чуть сдвинутой набок, и глазами цвета весенней листвы. Она робко протянула мне что-то.

— Не плачь, ты же мужчина, а они не плачут. Тебя кто-то обидел? — спросила она тихо, протягивая тонкий кружевной платок.

— Всё хорошо, не надо мне ничего. Не трогай меня, — буркнул я, вытирая слёзы грязным рукавом куртки.

— Я оставлю платок тут, на столе. Вытри слёзки, пожалуйста, — проговорила она, положила платок на край стола и исчезла так внезапно, как и появилась, оставив меня одного в оцепенении.

Подняв голову, я увидел платок. Взяв его в руки, заметил вышитые шёлком инициалы: «Н.С.» Наверное, это её имя. Я попытался её найти, чтобы вернуть платок, но она словно растворилась в воздухе.

Не знаю, сколько бы я ещё просидел в той душной комнате, безучастно поедая остывшую пищу, если бы не внезапное головокружение мачехи. Ей стало плохо, и отец, как истинный джентльмен, покинул мероприятие раньше времени.

По приезде домой отец поблагодарил меня за моё поведение и сдержал обещание, купив заветный конструктор. Попрощавшись с ним, я поднялся к себе в комнату. Достал платок и положил его на стол. В голове всплыл образ той девочки, похожей на сказочную принцессу. Интересно, смогу ли я когда-нибудь встретить её снова?

Спрятав платок в zip-пакет и задвинув его в тайный ящик стола, я лёг спать. Целый год я посещал мероприятия, на которых настаивал отец, тайком надеясь увидеть её. Расспрашивал о ней других детей, но никто её не знал — или делал вид, что не знает.

Я был влюблён в незнакомку. Эта детская влюблённость продлилась до первого класса, а потом я забыл её — и даже о существовании платка, пока не вспомнил сегодня, спустя годы. Теперь её образ, едва уловимый, но такой яркий, снова всплывал в памяти — и, возможно, именно она была той самой незнакомкой из снов.

6.Никита

За часы, проведённые в комнате, я начисто забыл о встрече с пацанами. Встрепенувшись, начал в спешке собираться, как вдруг трель телефона вонзилась в тишину. Схватив трубку, я на ходу натягивал джинсы.

— Слушаю, — выпалил я.

— Эй, братан, я понимаю, что ты ещё тот красавчик, но не баба же, чтобы заставлять нас ждать! Ты где вообще прохлаждаешься? — возмутился Санек.

— Да бегу я, в штаны никак не влезу!

— Жрать надо меньше, — сквозь помехи прорвался смех Санька.

Бросив трубку, я схватил джинсовку и вылетел из комнаты. На пороге возник отец, преграждая путь.

— Куда несёшься сломя голову? — спросил он, сверля меня взглядом.

— С друзьями в кофейню, — буркнул я, пытаюсь проскользнуть мимо.

— Не задерживайся. Сегодня нам нужно серьёзно поговорить о твоём будущем, — сказал отец, неохотно посторонившись.

— Я уже сто раз говорил о своём будущем и менять его не собираюсь, — отрезал я, натягивая кроссовки.

— Ты живёшь под моей крышей и носишь мою фамилию. Не забывай, кто всё оплачивает. Если я захочу, в момент лишу тебя всего, и ты не поступишь туда, куда ты так рвёшься. Я прошу только соблюдать правила, которые устанавливаю я. Узнаю, что ты куда-то вляпался, — сразу же вышвырну. Мне такой сын не нужен, — лицо отца горело гневом.

— Так в чём проблема? Породи ребёнка своей борьбе, и живите счастливо. Сын, какой ты хочешь. Или дочка. Всё в твоих руках, — ответил я, хватая ключи.

— Я предупреждаю тебя, — прозвучал угрюмый ответ; отец скрестил руки на груди.

— Понял, буду дома в одиннадцать, — бросил я, выходя за дверь.

Такси уже поджидало. Я плюхнулся на заднее сиденье и приказал везти в кафе возле театра. Лишь бы она была там.

Интересно, что отец на этот раз задумал. Вдруг одумается и оставит меня здесь, в этом городе, который стал чужим? Не хочу здесь оставаться. И пусть друзья рядом, но и они мечтают вырваться. Этот город не для нас. Как любит говорить Саня, такие парни, как мы, достойны большего. И дело вовсе не в девушках.

Я всегда грезил о большом городе, о собственной фирме, о жизни вдали от отцовской тени.

Расплатившись с таксистом, я выскочил на мостовую. У самого крыльца кафе меня будто парализовало. В голове снова возник её призрак: заплаканные глаза, мольба о помощи. Как же сильно я хотел её увидеть! Она казалась миражом, несбыточной мечтой. Если пацаны узнают — засмеют.

Простояв так ещё мучительные пять минут, я всё же решился войти. До прихода ребят ещё полчаса. Как хорошо, что они замучились меня ждать и ушли в торговый центр поиграть. У меня есть время хоть что-то разузнать о ней.

Зайдя внутрь, я выбрал столик у окна и огляделся, ища взглядом официантку. Здесь их двое: одна в возрасте, явно ничего не запоминающая, и вторая — помоложе. Вот у неё-то есть шанс что-нибудь вспомнить.

Махнув ей рукой, я углубился в изучение меню.

— Добрый день! — прозвучал мелодичный голос, и к столику подошла официантка. — Что будете заказывать?

— Добрый день, — рассеянно ответил я, отложив меню на стол. — Пока ничего, жду друзей.

— Тогда я подойду к вам позже, — она уже было потянулась за блокнотом, но я остановил её.

— Нет, пойте, у меня к вам личный вопрос, — легонько коснулся её руки.

— Молодой человек, я на работе. И у меня есть молодой человек, — отдернув руку, она подчеркнула: — Подойду к вам, когда придут ваши друзья.

— Вопрос совсем не такого плана, — поспешил я её заверить. — Мне нужно узнать об одной девушке, я её ищу.

— Да знаете, сколько тут девушек проходит за день? Я не из тех, кто на них засматривается.

— Понимаю, — с надеждой в голосе продолжил я. — Может быть, вы всё же её запомнили... В пятницу это было, дождь лил стеной... Светлые волосы, зелёные глаза. Она была с букетом белых тюльпанов и... заплаканная.

Выражение её лица смягчилось, стало каким-то задумчивым. Казалось, она догадалась, о ком идёт речь, и что-то знает о ней.

— Молодой человек, я не знаю, о ком вы. Подойду позже.

Просидев ещё пару томительных минут, я наконец увидел, как к столику приближаются мои друзья.

Увидев их, я поднялся из-за стола и пожал каждому руку. Парни уселись напротив, и Стас сразу же перешёл в наступление:

— Ну что, узнал, что хотел?

Саня, надвинув очки на переносицу, ехидно добавил:

— Да, кстати, что же ты тут вынюхиваешь? Девчонка приглянулась или официантка?

— Не ваше дело, — отрезал я. — Либо делайте заказ, либо уходите.

— На хрена тогда мы сюда тащились? Могли бы сразу к Саньку на хату поехать. Кстати, ты к Игорю идёшь или нет? — спросил Стас.

— Нет, отец прийдёт, если я не появлюсь на этом чёртовом мероприятии. Он хочет меня кому-то представить.

— Ну, братан, так нельзя. Последняя вечеринка лета, да ещё и перед выпускным. Вы ведь с Саней сваливаете в другие города, — с укором произнёс Стас.

— Знаешь, я хочу доучиться последний год и свалить отсюда. Мне деньги нужны на учёбу. Если не буду плясать под его дудку, то не видать мне ничего.

— Ох, если бы отец знал, что творит его сынишка, он бы с ума сошёл, — пробормотал Стас.

— Мне кажется, он бы просто захлебнулся слюной от того, как орал бы на тебя. Но ты ведь ничего плохого не делаешь, просто трахаешься направо и налево, — поддел Саня.

Я задумался. Если бы когда-нибудь отец узнал о моей тайной жизни, скрытой за его тенью, его бы точно хватил инфаркт. Я всегда соблюдал осторожность, был предельно аккуратен: на мероприятиях вёл себя безупречно, в школе старался учиться, пусть и не на отлично, но вполне прилично.

— Так, хватит киснуть! Погнали на хату, хоть оторвёмся немного, — скомандовал Стас.

— Вы и мёртвого достанете, — вздохнул я, поднимаясь из-за стола. — Пошли.

Парни, словно ведомые невидимой нитью, повторили за мной, поднимаясь на ноги. Такси, разрезая ночную мглу, домчало нас до Сашкиной обители.

Стас, плюхнувшись на диван, тут же принялся обзванивать знакомых, созывая их на импровизированную вечеринку. Из кухонного чрева возник Саня.

— Так, народ, что на ужин заказываем? Пицца, суши? Или у кого-то свои гастрономические предпочтения? Тогда сами колдуйте. Стас — в магазин за живительной влагой! А ты, Никитос, остаёшься здесь. Есть кое-что, о чём нужно перетереть с тобой с глазу на глаз.

Стас, подхватив куртку, устремился к двери. Саня устроился напротив меня.

— Брат, с тобой всё в порядке? — в его голосе звучала неподдельная тревога.

— С чего ты взял?

— Ты зачем-то зачастил в ту кафешку... Не наш это район.

— Да говорил же, пирожные там отменные, да и повариха глаз радует, — уклончиво ответил я.

— Если ничего серьёзного, то ладно. Но помни, брат, — мы всегда рядом, поможем в чём угодно, — произнёс он, поднимаясь с дивана. — Никит, если ты влюбился в официантку, здесь нет ничего зазорного. Мы только порадуетесь за тебя.

Его слова застали меня врасплох. Раньше я как-то не задумывался, насколько важна для меня наша дружба. Это единственное, чем я по-настоящему дорожил.

Всё началось сумбурно, в третьем классе, когда предательский звонок застал меня врасплох. Опоздав на первый урок, я решил переждать бурю на школьной площадке. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что я не одинок в своём прегрешении! В тот самый день, в той же ситуации оказались Стас и Саня — новички.

Первый день в новой школе ознаменовался для нас троих дополнительными занятиями — так завязалась наша дружба. Оказалось, Стас и Саня жили в одном доме с пелёнок: их мамы дружили ещё со школы. Потом мать Стаса переехала, и ему пришлось сменить школу. Саня так тосковал по другу, что родители решились перевести и его — пусть даже приходилось добираться издалека. Дружба того стоила.

Мы горой стояли друг за друга: старались избегать неприятностей, а если влипали — вытаскивали друг друга из самых отчаянных передряг.

Нам везло с родителями, так говорили все вокруг.

Мать Сани — судья, отец — прокурор. Мы вечно подтрунивали над тем, как они умудряются ладить в суде, находясь по разные стороны баррикад. Однажды Саня раскрыл их секрет: после работы родители улаживали разногласия в пейнтболе или на стрельбище. Идиллия, а не семья!

Саня был их долгожданным ребёнком: до этого они потеряли троих детей. Он всегда мечтал о сестре или брате — и был искренне рад, что у него есть Стас, а потом появился и я.

У Стаса родители оба работали на себя, владели собственной фирмой. Чем именно занимались — он и сам толком не понимал, знал лишь, что это связано с торговлей и загранпоездками. Стас был единственным ребёнком. По его словам, в детстве он так вымотал родителей, что они наотрез отказались даже думать о втором.

О моём отце говорить не любили. Все знали, что у него своя фирма и что моя мать погибла. Мне сочувствовали — и это мне не нравилось больше всего.

— Спасибо, брат, — я крепко обнял Саню в ответ.

Спустя сорок минут дом наполнился людьми. Среди гостей особенно выделялись девушки, в чьих глазах ещё не читалось знание моих возможностей. Если бы не долг перед отцом, не необходимость быть дома до одиннадцати, я бы непременно остался и провёл вечер в компании одной из них.

Проведя там ещё пару часов, я засобиравшись домой.

— Братан, ты же знаешь, как я терпеть не могу твоего бая, — проворчал Саня, обнимая какую-то девушку.

— Не переживай, у нас ещё будет целая неделя перед учёбой, чтобы наверстать упущенное, — ответил я, натягивая ботинки.

Попрощавшись с друзьями, я вышел из подъезда — там меня уже ждало такси. Усевшись в машину, машинально принялся листать ленту новостей, но ничего интересного там не было. Пацаны всегда тщательно следили, чтобы наши вечеринки оставались в тени: среди нашего окружения было немало детей влиятельных родителей.

Расплатившись с таксистом, я вошёл в дом. В холле меня уже ждала горничная. Отдав ей джинсовку, направился в кабинет отца.

Постучав, я открыл дверь — и застал отца с мачехой в весьма недвусмысленной ситуации. Она восседала на его столе, облачённая лишь в нижнее бельё. Ошеломлённый увиденным, я поспешно извинился и вышел.

Минут через десять вышла мачеха — одарила меня лукавой улыбкой. Вскоре позвал отец.

— Садись, прости, что тебе пришлось это увидеть, — произнёс он, затягивая узел галстука.

Я молча опустил на диван.

— О чём ты хотел поговорить? — спросил я, стараясь скрыть раздражение.

Отец сел напротив. В его взгляде сквозила неприкрытая властность.

— Завтра мероприятие. Важные люди, влиятельные. Хочу, чтобы ты был рядом. Представлю тебя, — отчеканил он.

— Постою рядом, буду мило улыбаться, — съязвил я, кривясь в усмешке.

— Там будет твой будущий тесть.

— Кто? — я резко вскочил с дивана.

— Сядь! Я ещё не закончил, — прорычал отец, бросив на меня тяжёлый взгляд. — У нас с ним договорённость. У него есть дочь, твоего возраста. Учится в элитной школе, на другом конце города. Тебя туда переведут. Последний год доучишься там. Начнёте общаться, узнавать друг друга. Потом отправим вас в Москву, в разные институты. Будете дружить. А после окончания... сыграем свадьбу. Вернётесь сюда, и я начну вводить тебя в курс дел. Ты мой наследник. Сегодня я подписал документы, в которых говорится, что после моей смерти всё переходит к тебе, — отец протянул мне сложенные бумаги.

Что за фарс? Брак по расчёту? Наследник? Почему именно сейчас? Я хотел спокойно доучиться последний год и сбежать от отца на край света. Но нет — он решил вставить палки в колёса. Ещё и жену выбрал, о которой я и слыхом не слыхивал. Как отреагируют пацаны? Что я их бросаю ради куклы, которую мне подобрал отец? Моя жизнь рухнула в одночасье. Какой ещё наследник? С чего он вообще взял, что я соглашусь им стать? Я не хочу этого.

— Отец, ты с ума сошёл? Может, врача вызвать? Несёшь же бред! — выпалил я, протягивая отцу документ.

— Это не бред, Никит, а заверенное нотариусом решение. И в нескольких экземплярах. Твоя мачеха способна на многое, — ответил отец, опускаясь в кресло за столом.

— Пап, если у вас с ней будет ребёнок, отдай всё ему и ей. Мне это не нужно. И что ещё за чертовщина с договорной невестой? Мы в каком веке живём?

— Мы договорились об этом двенадцать лет назад. Но её отец решил, что вам рано знакомиться, нужно время. А сейчас мы решили, что пора. Вы присмотритесь друг к другу, влюбитесь. Поверь, это лучшее, что я могу для тебя сделать, — убеждал отец.

— Лучшее? Кто сказал, что я этого хочу? Отец, ты не понимаешь, мне это не нужно! Прошу, откажись от этого брака и наследства. Я не претендую на твоё. И не хочу работать в твоей фирме. Закончу институт и исчезну. Буду лишь воспоминанием.

Гнев кипел внутри, готовясь вырваться наружу. Хотелось наброситься на отца, но я из последних сил сдерживался, чтобы остаться спокойным. Ещё бы год потерпеть — и всё было бы хорошо. Но всё пошло наперекосяк.

— Я всё сказал. Ступай к себе. Завтра трудный день, — отрезал отец, устремив взгляд в монитор компьютера.

Хлопнув дверью, я направился в свою комнату. Мне нужен душ. Сбросив с себя одежду, я встал под струи воды.

Выйдя из душа, написал пацанам. Решил пока не говорить им о решении отца — после завтрашнего мероприятия всё объясню. Нужно выяснить, что это за семья и кто эта девушка.

Отец поступил подло. Прямо удар под дых. И ведь всё это время молчал, знал ведь! И только сейчас решился рассказать.

Посидев ещё немного в телефоне, я отдался во власть сна. Пускай она мне приснится. Хочу её увидеть.

7. Ника

Пробуждение началось с аромата блинчиков — такого манящего и домашнего, что я, не успев толком продрать глаза, вскочила с кровати. Забыв о зубной щётке и утреннем туалете, в одной пижаме я ринулась на кухню.

Там царил утренний идиллия: мама, колдующая над сковородкой с блинчиками, и папа, погружённый в чтение книги. Не успела я усесться за стол в предвкушении лакомства, как мамин голос, словно ушат холодной воды, вернул меня к реальности:

— А умыться? Зубы почистить? Ну-ка, марш в ванную, приводить себя в порядок!

С недовольным видом я покинула кухню, размышляя о том, как маме удаётся содержать в идеальной чистоте этот двухэтажный дом. Папа всегда мечтал о жизни за городом, в просторном доме, где мама была бы полноправной хозяйкой. Но, кажется, он не до конца осознавал, какую ношу взваливает на её плечи.

Я не раз просила отца нанять помощницу по хозяйству, хотя бы повара, но он всегда был против. Почему отец так боится чужих в доме? Мы ведь можем себе это позволить. Надеюсь, когда вырасту, пойму его мотивы.

Поднявшись в комнату, я сбросила пижаму и направилась в душ. После водных процедур решила побаловать себя маской для лица и тщательно почистить зубы. На сегодня планов никаких — можно просто наслаждаться последними днями лета и каникул. Завтра у отца какое-то важное мероприятие. Надеюсь, он не потащит меня с собой. Ненавижу эти светские беседы. Если что, притворюсь больной и несчастной, как обычно. Это всегда срабатывало.

Вернувшись на кухню, я невольно стала свидетельницей разговора родителей:

— Ты думаешь, этот мальчик подойдёт нашей девочке?

— Инга, ну сколько можно об этом? Лучше и быть не может. Идеальная партия.

— А если он ей не придётся по сердцу? Что тогда? Нельзя же насильно заставить любить. Ты сам терпеть не мог браки по расчёту, а дочь свою туда же толкаешь. Я против этой затеи.

— Хорошо, раз ты так категорична, я отменю все договорённости. Буду искать другой выход... Прости, что попытался так поступить с дочерью. Просто, понимаешь, я хочу для неё только лучшего. Боюсь, что она ошибётся в выборе, и ей будет больно. Хочу оградить её от всех бед и разочарований.

Что это значит? Отец, выходит, жениха мне присмотрел? Спасибо, мамочка, что защитила меня. Если бы ты только знал, папа, что моё сердце уже изранено... Тебя бы это огорчило.

Я так благодарна маме за то, что она смогла отстоять мои чувства и моё будущее. Папа, конечно, ещё тот хитрец. Хотел исподтишка меня познакомить и сосватать. Вот это да... герой.

Прежде чем войти на кухню, я нарочито громко кашлянула. Эх, мне бы в актрисы! Усевшись за стол, старательно изобразила невинность. Родители, те ещё заговорщики, тут же перевели разговор на что-то нейтральное.

— Пап, что нового? — спросила я с натянутой улыбкой.

— Да ничего особенного, завтра мероприятие, нужно пригласить много гостей и работников. Твоя мама, хоть и прекрасная хозяйка, но одной ей со ста с лишним человеками не справиться. Да и беречь её нужно, драгоценную мою, — ответил отец, отпивая чай.

— Если ты её так бережёшь, почему не наймёшь поваров и уборщиц на постоянную работу?

— Ника! — воскликнула мама.

— Спокойно, Инга. Я знаю, как ты беспокоишься о маме, и понимаю тебя. Когда вырастешь, сама всё поймёшь. Сейчас мне не хочется тебе это объяснять, ты ещё слишком мала.

«Мала?» Да меня всё время пытаются от всего оградить! Боятся лишней раз вздохнуть в мою сторону. Меня это бесит! Почему отец не может позволить маме больше отдыхать? От

этих мыслей в груди начинает неприятно тянуть. А вдруг отец... насильно её держит? Или он вообще маньяк какой-нибудь, притворяющийся любящим мужем? Конечно, странно так думать о собственном отце.

— Прости, пап, больше не буду поднимать эту тему, пока не подрасту, — произнесла я с примирительной улыбкой.

— Скоро ты всё поймёшь, потерпи немного.

— Ника, что будешь кушать? Блинчики есть, хлопья, могу сэндвич сделать, — предложила мама, поворачиваясь ко мне.

— Буду блинчики. Ради них я из кровати сбежала! А то бы ещё валялась.

— Пора бы к режиму возвращаться, школа ведь скоро. Кстати, у тебя всё готово? — поинтересовался отец.

— Да, я всё заказала. Если чего-то не хватит, докуплю уже во время учёбы.

Завтрак искрился беззаботным настроением. Мы болтали обо всём на свете, словно ловили последние мгновения безмятежности. Мне будет нестерпимо не хватать этих утренних посиделок, когда я еду учиться в Москву.

Мою мечту, к сожалению, родители не разделяли. Сколько себя помню, я грезила литературным факультетом, представляла, как погружаюсь в мир книг, растворяюсь в строках и посвящаю этому жизнь. Но родители не хотели отпускать меня далеко от дома. Особенно отец — его тревога ощущалась сильнее всего.

— Так ты уже договорилась о дополнительных занятиях, к экзаменам готовишься? — спросила мама, отпивая кофе.

— Да, нашла репетитора. Буду ходить к нему три раза в неделю после школы.

— Ты окончательно решила насчёт Москвы и литературного факультета? — с ноткой грусти поинтересовался отец.

— Да, папочка, решила всё. Книги — это моя жизнь, моя страсть, моё дыхание. Я хочу посвятить себя им без остатка. Прощу тебя, давай больше не будем об этом спорить. Ведь я вырасту, и не всегда буду твоей маленькой девочкой. Пожалуйста, позволь мне начать эту взрослую жизнь сейчас, постепенно привыкай к тому, что я буду навещать вас по выходным или праздникам, — ответила я и нежно обняла его за плечи.

— Ника, если ты так решила, не буду тебя отговаривать. Ты упрямая, как твоя мать. Я помогу тебе, чем смогу. Только скажи. Ближе к концу года присмотри себе квартиру. Не хочу, чтобы ты жила в каком-нибудь клоповнике.

— Слушаюсь, сэр, — пропела я с улыбкой.

Прихватив фрукты и сок, я поднялась в свою комнату. Лень сковала меня, не давая взяться ни за что серьёзное. Пожалуй, почитаю что-нибудь. Едва толкнув дверь, услышала трель телефона. Сняв его с зарядки, увидела пятнадцать пропущенных от Саши. Сердце ёкнуло от недобрых предчувствий, и я тут же набрала её номер.

— Привет, Саша! Что случилось? Почему столько пропущенных?

— Привет, прости, что заставила волноваться, — ответила Саша. — Я сейчас у сестры в кафе, она мне кое-что рассказала...

От этих слов по спине пробежал холодок. Что такого могла услышать Саша, что заставило её так переполошиться? Неужели это связано с Егором?

— Что-то с сестрой? Или с Егором? — робко спросила я.

— С сестрой всё в порядке. Если бы это был Егор, я бы тебе и рассказывать не стала, прибила бы его на месте! Вчера к Оле, когда она работала, подошёл какой-то парень. Не представился. Она его видела впервые, а она у нас всех симпатичных запоминает. Он расспрашивал о тебе. Это её испугало, и мы теперь все переживаем за тебя. Вдруг это какой-то дружок Егора? Вдруг он не успокоился после того, как ты его тогда при всех унизила?

Словно ледяной водой окатили. Кто обо мне спрашивает? И что ему нужно? На мгновение меня охватил леденящий страх. Как это выяснить? Доступ к камерам нам точно не дадут, ещё решат, что мы совсем с ума посходили. Надо для начала успокоить девчонок.

— Ой, я уж думала, стряслось что-то! Чего ты? Может, кто просто влюбился, увидел, как я Егора отшила, и восхитился моей смелостью.

— Оля сказала, он хоть и красив, но взгляд у него, как у хищника. Холодный, пронизывающий.

— Саш, ну что за чушь! Если больше нечего сказать, я хочу провести остаток каникул дома, в компании книг.

— Ну вот тебя как-нибудь украдут, тогда узнаешь. Пока.

— Пока.

Бросив телефон на кровать, я задумалась. Кто это мог быть? И почему он знал, что именно к Оле нужно обратиться? Всё это как-то странно.

Остаток дня я провела, зарывшись в книги, словно в уютную нору. До конца каникул оставалась неделя, и я уеду в другой город. Надеюсь, там мне будет дышаться легче, чем здесь. Вспоминая историю с Егором, я всё чаще думаю о том, что люди всегда ищут в таких, как я, выгоду. Деньги, власть... Эта жажда ослепляет. Поэтому я и решила после совершеннолетия отказаться от наследства и посвятить себя книгам.

Усевшись за ноутбук, решила перед сном проверить соцсети. Может, что-то новенькое проскользнет. Пролистав ленту минут пятнадцать, ничего интересного не нашла: пару книг выйдет в октябре, подарочные издания выпустили... Только собралась закрыть ноутбук, как услышала звук уведомления — письмо на почте. Странно, туда обычно только спам приходит.

Открыв его, я похолодела. Письмо было анонимным:

Знай, тебе не удастся быть счастливой. Обещаю, твоя жизнь будет несчастной. Ходи и оглядывайся, тварь!

— **Неизвестный номер**

Кто это мог написать и зачем? Стоит ли рассказать родителям? Нужно всё обдумать. Может, это чья-то глупая шутка, но у меня вроде нет врагов. Или есть?

В голове закрутились мысли. Егор? Вряд ли — он слишком труслив для таких угроз. Кто-то из его окружения? Но я никогда не общалась с его друзьями. Может, кто-то ошибся адресом? Но формулировка слишком личная, слишком злобная...

Я перечитала письмо ещё раз. Фраза «ходи и оглядывайся» звучала как прямое предупреждение. Что, если этот человек знает, где я живу? Что, если он следит за мной? По спине пробежал холодок, а ладони невольно вспотели.

Взглянула на часы — 22:47. Родители ещё не спят, наверняка смотрят какой-нибудь фильм в гостиной. Можно было бы пойти к ним, показать письмо, попросить совета. Но что они скажут? «Не обращай внимания, это хулиганство» или «Мы разберёмся, не волнуйся». И начнут задавать вопросы, копать, привлекать кого-то... А если это действительно просто глупая шутка? Тогда я подниму шум на пустом месте.

Нет, пока не стану им говорить. По крайней мере, до тех пор, пока не пойму, есть ли в этом реальная угроза.

Я сделала скриншот письма, скопировала текст в отдельный файл и сохранила его в зашифрованной папке. Затем зашла в настройки почты, чтобы проверить IP-адрес отправителя. Система выдала лишь обезличенные данные — сервер в другой стране, явно через прокси. Ничего полезного.

«Ладно, разберусь с этим завтра», — решила я. А сейчас нужно спать. Но как уснуть, когда в голове крутятся эти слова?

Улеглась я только ближе к трём часам ночи. Мысли о письме не давали покоя. Перед глазами всплывали образы: незнакомый мужчина с холодным взглядом, который расспрашивал Олю; тёмная фигура, крадущаяся вдоль забора нашего дома; чей-то шёпот за спиной.

«Надеюсь, это какая-то ошибка...» — прошептала я, зарываясь лицом в подушку. Но в глубине души понимала: что-то изменилось. Что-то надвигалось. И это «что-то» не сулило ничего хорошего.

Засыпая, я всё ещё слышала в ушах эхо той фразы: «Ходи и оглядывайся». Она звучала, будто мантра, будто проклятие.

Утром, едва открыв глаза, я первым делом схватила телефон — проверить почту. Ещё одно анонимное письмо. Сердце пропустило удар. Открыла дрожащими руками:

Ты думаешь, что спрячешься за книгами? Не выйдет. Я найду тебя везде. Ты — моя цель.

— *Тот же неизвестный*

Дыхание перехватило. Руки затряслись. Это не шутка. Это всерьёз.

8. Ника

Сегодняшнее утро не просто недоброе — оно оглушает. За дверью комнаты — какофония голосов, несмолкающий шум, который крадёт последние крохи сна. Я не могу позволить себе ни минуты покоя. И во всём виновата эта затея отца. Ну почему нельзя было арендовать коттедж, устроить всё там, подальше от этих стен, которые так дороги ему?

Я никогда не понимала этих отцовских мероприятий. Но сегодня — особенный вечер: тридцать лет компании. И он решил, что бал-маскарад — лучшее решение. Я не возражаю: моё лицо скроет маска. К тому же отец обещал, что я смогу уйти, как только он произнесёт свою речь.

Встав с постели, я направилась в ванную. Освежившись, решила заняться причёской. Папа не любит, когда посторонние находятся в моей комнате — его чрезмерная опека всегда меня смущала, но приходилось терпеть.

Сделав укладку, я решила выйти к родителям, поприветствовать их. Спустившись, услышала их спор:

— Инга, ты не права. Я делаю это ради вас обеих, ради Ники.

— А ты подумала, что она скажет, если узнает, что ты после своей отставки объявишь её своей преемницей?

— Я понимаю, как это звучит. Я уже отказался от брака по расчёту. Даже это помогло бы нашей дочери и нашему общему делу.

— Но нельзя же втягивать в это нашу дочь! Она ведь ещё так юна. Ей нужна свобода. Она не птенец, чтобы ты держала её взаперти, в клетке. Она желает посвятить себя писательству. Подумай о её чувствах.

Разговор оборвался — родители ушли. Слезы градом покатались из глаз. Почему отец не желал поделиться со мной своими замыслами? Я никогда не стремилась возглавить его дело — это совершенно не моя стезя. Благодарю маму за то, что она меня поддерживает и разделяет мои чувства. У меня есть год, чтобы найти веские аргументы и переубедить отца.

Поднявшись в свою комнату, я решила написать подругам:

Вы не поверите, что случилось, — Ника.

Выкладывай! — Саша.

Слушаю, — Катя.

Отец решил поставить меня во главе компании, — Ника.

Ты шутишь?! — Саша.

Да нет, ты не сможешь управлять тысячами людей. Без обид, Ник, но ты — творческая личность, — Катя.

И я об этом, но у отца другие планы. Он решил ещё и женить меня... Пойми, на ком. Как я поняла, на сыне какого-то его друга. Мол, это поможет его бизнесу, — Ника.

Да нет, он не мог так с тобой поступить! И почему ты только сейчас об этом говоришь? — Саша.

Ника, это бред! Твой отец сам нашёл свою любовь! А ты должна выйти за какого-то незнакомца. А вдруг он садист или ещё хуже? — Катя.

Отложив телефон, я погрузилась в раздумья: а что, если отец всё же упрямится и решит выдать меня замуж, проигнорировав мольбы матери? Он любит её, но вдруг Саша, подруга, оказалась права? Вдруг мне попадётся какой-нибудь упырь, который будет меня бить или унижать? От одной этой мысли меня бросило в дрожь. Почему я не могу сама решать, за кого идти замуж или чем заниматься в жизни? Чем быстрее я разберусь с этим, тем лучше.

Из моих тревожных мыслей меня вырвал настойчивый стук в дверь:

— Ника, ты уже встала? Могу войти? — раздался тихий голос матери за дверью.

— Да, мам, входи, — ответила я, вскакивая с кровати и отодвигая телефон подальше.

— Доброе утро, деточка. Как ты? Готова к вечеру?

«Как будто можно быть готовой к тому, что тебя выдают замуж и оставляют компанию на твои плечи!» — произнесла я про себя.

— Конечно, а где моё платье?

— Оно уже здесь. Могу попросить его принести. Ты какая-то странная. У тебя всё хорошо? — обеспокоенно проговорила мама, садясь на край моей кровати.

Я не решалась признаться, что случайно подслушала их разговор с отцом о передаче мне управления компанией. Страх, что мама начнёт ругаться или, что ещё хуже, встанет на сторону отца, сковал мои уста.

— Просто волнуюсь, мам. Этот вечер очень важен для отца, — выдохнула я.

— Понимаю, я тоже волнуюсь. Обещаю, всё будет хорошо. Ты поприветствуешь гостей, а потом послушаешь речь отца.

При этих словах мне стало дурно. Я надеялась, что отец передумает до вечера или мама сможет его убедить.

— Мам, можно кое-что спросить? — я села рядом с ней. — Отец не передумал насчёт свадьбы по расчёту?

— Передумал, я настояла. Пригрозила разводом, — ответила мама, обнимая меня. — Я не позволю тебе любить того, кого ты не хочешь, и тем более жить с ним против своей воли. Ты для меня важна, и твоя жизнь тоже. Хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, ты можешь на меня положиться.

От слов мамы душа наполняется покоем. Я знаю, как безгранична её любовь, и потому уверена: она никогда не поддастся отцовскому давлению, ни за что не заставит меня поступать против моей воли.

— Спасибо, мам. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, солнышко. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Выйдя из комнаты, мама позвала помощницу, и та принесла мне платье. Оно было восхитительно: нежного пудрового цвета, с открытым декольте, обнажающим плечи. Поясок украшало ажурное плетение с крошечными бусинами. Маска, выполненная в том же оттенке, была лишена всяких украшений, но удивительно выгодно подчёркивала мои зелёные глаза.

Примерив наряд, я решила подобрать под него соответствующий макияж. Переодевшись в домашнее платье, собралась с духом, чтобы выйти к отцу — поприветствовать его и поговорить перед предстоящим событием.

Спустившись, я окунулась в домашний хаос: кто-то расставлял мебель, охрана составляла список гостей вместе с отцом. Увидев меня, он улыбнулся и направился навстречу:

— Доброе утро, а может, и добрый день, — с улыбкой он поцеловал меня в лоб.

— Доброе. Как настроение?

— Всё отлично, у тебя как? Платье понравилось?

— Да, спасибо. Папа, можно с тобой поговорить?

— О чём угодно.

— Ты точно решил, что не будешь заключать брак по расчёту?

— Конечно. Если ты против, почему я должен настаивать? К тому же мама твоя ясно дала понять, что ей это неприятно. Я извиняюсь, что принял такое решение за твоей спиной, не обсудив его с тобой, — отец взял меня за руку и продолжил: — Я не стану делать ничего против твоей воли.

Его слова успокоили меня, и я всем сердцем надеюсь, что это коснётся и его решения взять меня в компанию.

— Спасибо, пап, — лёгкий поцелуй в щёку, и я, устремлённая в комнату, поспешила уединиться.

До начала мероприятия оставались считанные часы. Решаю переждать в тишине своей комнаты. И тут же тянусь к телефону, чтобы написать девочкам:

Как вы? — Ника .

Всё хорошо, ты как? Готова? — Саша .

Да, но мне страшно... Вдруг отец всё-таки передумает и сделает объявление? — Ника

Что бы он ни сделал, знай: мы на твоей стороне. И будем тебя поддерживать. А насчёт брака... Я знаю, как спрятать труп, — Катя.

Я помогу создать алиби, — Саша.

Спасибо, девочки, люблю вас, — Ника.

И я тебя, — Саша.

И я тебя. Вместе навсегда, — Катя.

«Осталось переждать вечер и окончить школу», — подумала, подходя к зеркалу. Надев платье и сделав макияж, я посмотрела на своё отражение. «Как же я похожа на маму», — мелькнула мысль. Натянув улыбку, досчитав до десяти, я решила спуститься. «Пускай сегодня всё пройдёт хорошо».

Спустившись вниз, я ощутила, как меня охватывает паника. За семнадцать лет своей жизни я привыкла к людскому гомону, к вездесущей толпе. Но сейчас мне было страшно — не от того ли, что меня здесь мало кто знает, или от того, что я услышу в речи отца?

Окинув взглядом просторный холл, я увидела его: отец позвонил меня жестом. Он был безупречен в белом костюме с чёрной бабочкой, лицо скрывала чёрная маска. Рядом, словно лебедь, стояла мама — в длинном чёрном платье, облегавшем её фигуру, с дерзким разрезом на ноге, обнажавшим стройную икру. Её плечи были открыты, а декольте поражало своей глубиной. Белая маска лишь подчёркивала загадочность её образа. Странно, что отец позволил ей так одеться; он никогда не любил, когда мама выставляла напоказ свои прелести.

Они стояли рядом с какой-то парой, погружённые в оживлённый разговор. Я наконец решаюсь подойти — всё-таки я обещала поздороваться со всеми гостями.

— Эдик, ты же знаешь, этот товар нам жизненно необходим, — произнёс мужчина лет сорока с жёсткими чертами лица. — Если мы не подпишем контракт, потеряем половину прибыли.

Он был в чёрном пиджаке без галстука, и, в отличие от большинства гостей, без маски — его лицо с резкими скулами и прищуренными глазами выглядело почти вызывающе. Рядом стояла молодая женщина лет двадцати пяти в алом платье с длинными рукавами. Её чёрная маска контрастировала с ярким нарядом, а взгляд, скользнувший по мне, был холодным и оценивающим.

Когда я подошла к ним, все взгляды тут же обратились на меня. От этого внимания, пронизанного любопытством и скрытым осуждением, у меня перехватило дыхание, а ладони мгновенно стали влажными. Я приблизилась и инстинктивно взяла маму за руку, ища в этом прикосновении опору.

— Вадим, надеюсь, ты помнишь мою дочь, Нику, — произнёс отец, и в его голосе прозвучала едва уловимая нотка гордости, смешанной с напряжением. — Ника, это мой друг Вадим Петрович с супругой, Аллой.

— Добрый вечер, — произнесла я, натянув улыбку, которая, как я чувствовала, выглядела неестественно. — Рада вас у нас видеть. Надеюсь, вам всё нравится.

— Ты такая уже взрослая, — протянул Вадим Петрович, окидывая меня изучающим взглядом. — Наверное, за тобой толпы мальчиков бегают? — Он усмехнулся, и эта усмешка мне совсем не понравилась.

Я сжала пальцы мамы чуть сильнее, пытаюсь унять дрожь в руках.

— Возможно, — ответила я как можно более непринуждённо. — Но сейчас меня больше интересует, как прошёл ваш путь сюда. Должна признаться, дороги в нашем районе порой преподносят сюрпризы.

Алла тихо рассмеялась, прикрыв рот рукой, а мама слегка сжала мою ладонь в ответ — едва заметный знак поддержки.

«Ну вот, кто такое говорит подростку», — подумала я, и в тот же миг вспомнилось расставание с Егором. Он обещал пойти со мной на этот вечер, обещал поддержать...

— Вадим, ну что за вопросы? Она ещё маленькая, — прервал отец, задумчиво вращая в руках бокал с шампанским. Хрусталь мягко мерцал в свете люстр, отбрасывая блики на его безупречный белый костюм.

— Ну а что? Она завидная девушка, — ответил Вадим, отпивая шампанское. — Если бы у меня был сын, он бы составил ей пару.

«Через мой труп», — мысленно отрезала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Ухожу, приятного вам вечера, — проговорила я, пятась к стене и стараясь не выдать охватившего меня смутения.

Этот вечер обещал быть изматывающе долгим. Мать бросила на меня понимающий, но печальный взгляд — будто знала что-то, чего не знала я. «Надеюсь, у неё всё в порядке, — мелькнуло в голове. — Обязательно поговорю с ней после».

Толпа сходилась и расходилась, каждый скрывал лицо под маской. Загадочно и интригующе — как будто все играли в какую-то сложную игру, правила которой мне были неизвестны. Отдаю должное отцу: вечер получился действительно любопытным, хоть и давил своей атмосферой.

Попросив у официанта колы, я всё же решила подойти к родителям — нужно было поприветствовать гостей, как того требовали приличия.

— Добрый вечер, — сказала я, оказавшись рядом.

— Здравствуйте, Ника, — отозвался мужчина в чёрном костюме и белой маске. Его голос звучал низко и уверенно, а взгляд, скрытый за прорезями маски, казался оценивающим.

Рядом с ним стоял парень — мой ровесник, в синем костюме и красной маске. В нём было что-то притягательное: осанка, линия плеч, едва заметная складка между бровей. Но он даже не удостоил меня взглядом, когда я подошла. «Какое неуважение», — мелькнуло у меня.

— Ника, знакомься: это Александр Петрович, мой лучший друг и, как бы это сказать, соратник по бизнесу, — представил отец. — А это его сын, Никита.

— Приятно познакомиться, — с натянутой улыбкой произнесла я. — Надеюсь, вам у нас понравится.

В тот же миг его сын перевёл на меня взгляд. Карие глаза смотрели с нескрываемым отвращением — или это была злость? Он окинул меня пренебрежительным взглядом с ног до головы, и мне стало не по себе, будто меня выставили на посмешище.

— Никита, дорогой, скажи что-нибудь своей будущей невесте, — сказал отец, хлопнув сына по плечу.

— Простите, что? — одновременно вырвалось у нас с Никитой.

В его глазах вспыхнул такой же гнев, как и во мне. «Отец ведь обещал мне совсем другое», — пронеслось в голове.

— Очень приятно наконец-то с тобой познакомиться, невестушка, — протянул он руку с издевательской вежливостью, и в его голосе прозвучала горькая насмешка.

— Папа, ты же обещал мне! — вырвалось у меня.

Мне хватило доли секунды, чтобы сдержаться — не дать волю слезам и не сбежать прочь, в свою комнату, подальше от всех этих масок и лжи. Как отец мог так со мной поступить? Я бросила взгляд на маму, ища у неё поддержки.

— Эдуард, ты же сказал, что всё решил, — произнесла мама твёрдо, но в её голосе слышалась тревога.

— Я не успел сообщить ему о своём решении не заключать договорной брак, — проговорил отец, неожиданно обнимая меня за плечи. — Прости, Саша. Но, к сожалению, я не отдам свою дочь за твоего сына.

Его слова принесли мне облегчение. «Спасибо, папочка», — прошептала я, почувствовав, как по телу разливается тепло, а напряжение, сковывавшее плечи, понемногу отпускает.

Александр Петрович, будто с цепи сорвавшись, начал извергать поток слов, утверждая, что это лучшее, что можно сделать для компании. Его голос звучал резко, почти гневно, а глаза, видимые сквозь прорези белой маски, метали молнии. Он смотрел на нас не отрываясь, словно пытался взглядом заставить отца передумать.

— Эдик, мы же всё решили! Мой сын уже перевёлся в её школу — да ещё и под конец учебного года! Ты понимаешь, как ты подставляешь и меня, и себя? Этот брак выгоден нам обоим!

— Я понимаю тебя и твою злость, — ответил отец мягче, но в его голосе звучала непрклонная сталь. — Но я не могу так поступить со своей дочерью и женой. Мы всё решили. Мы найдём другой способ. Давай не будем портить вечер. Поговорим позже, у меня в кабинете.

— Говорить не о чём! Ты меня подставил! — выкрикнул Александр Петрович. — Мы договорились: ты ставишь свою дочь во главе компании, а я — своего сына. И они, посредством брака, смогли бы всё объединить!

Лицо отца мгновенно изменилось — черты заострились, между бровей пролегла глубокая складка. Я поняла: его друг не просто рассказал о планах, он раскрыл все его тайны, обнажил стратегию, которую отец держал в секрете.

— Отец? Ты решил поставить меня во главе компании? Зачем? — спросила я, стараясь придать голосу неподдельное удивление, будто слышала всё это впервые.

Мама схватила отца за руку и что-то прошептала ему на ухо — тихо, быстро, почти беззвучно. Я уловила лишь движение губ и тревожный блеск в её глазах.

— Ника, прости, я не хотел, чтобы ты узнала так, — отец положил руку мне на плечо, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на вину. — Ты моя дочь и наследница. Рано или поздно тебе предстояло занять моё место. Я думал, если ваш брак с Никитой состоится, то смогу поставить его как формального руководителя, а ты будешь заниматься тем, чем хотела — искусством, путешествиями, чем угодно. Но брака не будет. И поэтому придётся сделать так.

Внутри всё оборвалось. Слышать такое от отца... Хоть бы просветил в свои планы! Хоть бы предупредил о намерениях! Но он просто обрушил на меня всё разом — как будто я была не живой человек, а деталь в его сложной машинерии. И теперь я ещё и виновата, что не смогу выйти замуж за этого парня, что все его планы летят прахом. От этой мысли меня бросает в жар, потом в холод — будто я разрушила всё, над чем так усердно трудился отец. Если я не смогу занять своё место в компании, ему придётся поставить чужого человека. А это не лучший вариант ни для кого из нас.

— Пап, я ухожу. Давай поговорим позже, хорошо? Мне нехорошо, — произнесла я, чувствуя, как дрожат губы.

— Доченька, ты в порядке? Вызвать врача? Давай я тебя провожу в комнату, — мама шагнула ко мне, обнимая за плечи. В её голосе звучала неподдельная тревога.

— Нет, спасибо, я сама. Вы отдохайте, — я мягко отстранилась, стараясь не показать, как сильно меня трясёт.

— Ника, мы поговорим с тобой завтра, хорошо? — отец сделал шаг вперёд, но я покачала головой.

— Да, — коротко ответила я.

Не оборачиваясь, я покинула зал и направилась напрямиком в комнату. Музыка, смех, звон бокалов — всё это осталось позади, а в ушах стучала только кровь. Но не успела я подняться на лестницу, как чья-то рука мягко, но настойчиво остановила меня за локоть.

Я обернулась. Передо мной стоял Никита. Его красная маска наполовину скрывала лицо, но глаза — те самые карие глаза, что недавно смотрели с презрением, — теперь казались задумчивыми, почти растерянными. Он молчал, но в этом молчании было что-то новое, чего я не ожидала.

— Постой, невестушка, — раздался голос Никиты за спиной.

— Отпусти меня, или закричу! Отец тебе голову оторвёт, если увидит, что ты меня схватил, — проговорила я, резко вырывая руку из его ладони.

— Думаешь, это меня остановит, невестушка?

— Во-первых, ты в моём доме, значит, здесь командовать буду я. Во-вторых, не смей так меня называть! — парировала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

«Что за болван», — подумала я, вглядываясь в его глаза. В них я видела лишь злобу, холодную и расчётливую. Из-за маски я не могла разглядеть его лица и понять, кто передо мной на самом деле — высокомерный наследник или испуганный мальчишка, загнанный в угол обстоятельствами.

— Слушай меня внимательно и запоминай, — он сделал шаг вперёд, нависая надо мной. — Мы теперь учимся в одной школе, хочешь ты этого или нет. Мне совсем не нравится идея, что мы чуть ли не поженились друг на друге, и уж точно не будет этого брака. Ты живёшь своей жизнью, я — своей. То, что мы знакомы, теперь должно быть тайной. И не смей лезть ко мне. Усекла?

— Ты ещё кто такой, чтобы мне указывать? Да и нужен ты мне, как собаке пятая нога! — я отступила на шаг, стараясь сохранить дистанцию. — Я хочу закончить учёбу и свалить отсюда, и ты в мои планы не входишь. Поэтому советую тебе свалить и попросить отца перевестись обратно. И плевать мне, что осталось два дня до конца лета. Это твои проблемы.

Он неожиданно рассмеялся — коротко и жёстко.

— У тебя сильный характер. Люблю таких, — его голос стал тише, но от этого не менее угрожающим. — Но, боюсь, перевестись я не смогу, как бы ты этого ни хотела. Поэтому придётся тебе меня терпеть целый год. И в твоих же интересах это, невестушка.

Не успев договорить, он резко развернулся и выскользнул из дома, оставив меня одну в полутёмном коридоре. Моё сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди — любой, кто оказался бы рядом, услышал бы его оглушительный ритм. Кто он такой, чтобы сместь говорить мне такое, называть меня подобными словами? От его речи, словно ядовитая стрела, во мне заиграла злоба, смешавшаяся с растерянностью.

Поднявшись в комнату, я направилась напрямиком в ванную. В голове снова и снова прокручивался разговор с ним, не давая покоя. Сняв платье и наложив маску для лица, я села у зеркала и открыла чат с подругами.

Ника: Девочки, это полный трэш. Нам срочно нужно выпить.

Катя: Что случилось?

Саша: Всё хорошо?

Ника: Появилась проблема, и нам нужно её решить.

Саша: У знакомой проходит туса на даче. Если хочешь, можешь сюда приехать, оторваться.

Катя: Ты сможешь свалить из дома?

Я задумалась. Отец, скорее всего, до утра не будет меня трогать — он наверняка засидится с гостями. Да и мама тоже... Стоит потихоньку уйти из дома и вернуться незаметно, чтобы избежать наказания.

Собравшись с духом, я напечатала:

Ника: *Да, смогу. Скажите адрес.*

Высушив волосы, я решительно собрала их в хвост. Мой выбор — джинсы и простая белая кофта: одежда, которая не будет стеснять движений. Введя адрес в приложение такси, я сделала глубокий вдох и вызвала машину.

«Простите меня, родители, — подумала я, застёгивая куртку. — Но мне необходимо уйти и выпить. Мне это нужно, как воздух».

Спустившись вниз, я кралась к двери, стараясь ступать как можно тише. Каждая половица скрипела под ногами, будто предупреждая об опасности. Едва я приоткрыла дверь, как сзади раздался мой имя.

Я застыла.

Попалась.

— Ника, ты куда это собралась, на ночь глядя? — голос мамы, неожиданно близкий, прозвучал как приговор. Она подошла ко мне, и я почувствовала её тревогу — почти осязаемую, тяжёлую.

— Мам, я к девочкам, вернусь домой. Пожалуйста, не говори папе. Мне так нужно поговорить с ними, ты не представляешь, — мой голос дрогнул.

— Ты понимаешь, что ты несовершеннолетняя и уходишь так поздно? Если с тобой вдруг что-то случится... Я не смогу этого пережить, дочь, — в её голосе звучала бездна страха, почти отчаяния.

— Мамочка, со мной всё будет хорошо, я обещаю. Я буду на связи, буду писать тебе. Пожалуйста, отпусти меня. Я так редко тебя о чём-то прошу, но мне это сейчас жизненно необходимо, — я повернулась к ней, вглядываясь в родные черты.

Мама вздохнула, её руки крепко обняли меня — тепло, по-настоящему, так, как умеют только матери.

— Хорошо. Но пиши мне каждый час. И чтобы до полуночи была дома. Если не найду тебя в комнате, пеняй на себя.

— Люблю тебя, — вырвалось у меня, когда я выскальзывала из дома, чувствуя, как на глазах выступают слёзы.

Такси уже ждало у обочины. Запрыгнув в машину, я тут же написала девочкам:

Ника: *Получилось! Я уже еду. Мне нужно выпить и расслабиться.*

9.Никита

Два дня я прятался от друзей. Звонки, сообщения — всё летело в пустоту. Как объяснить им, что последний год мы проведем вдали друг от друга? Сегодняшний вечер... Отец настоял. Там я впервые увижу свою «невесту» — незнакомку, навязанную судьбой. Единственный плюс моего затворничества — хоть на время перестал думать о ней. Но стоило вспомнить, как внутри всё сжималось от странного, тревожного любопытства.

Спустившись в холл, я столкнулся с отцом. Молчание между нами стало стеной — толстой, непробиваемой, сложенной из недопонимания и взаимных обид. Как ему вообще пришла в голову эта безумная идея? Чувствую себя товаром, выставленным на продажу. Будто я не человек, а шахматная фигура в его большой игре.

Уже у холодильника снова зазвонил телефон. Сначала Стас, потом Саня. Кажется, они вместе. Нужно срочно встретиться и всё рассказать.

Тихий звонок в дверь прозвучал из холла, но я не придавал этому значения, увлеченно делая бутерброд.

— Никита, к вам, — произнесла горничная.

— Ко мне? Кто? — спросил я, направляясь к двери.

На пороге стояли Стас и Саня. Взволнованные и злые — такими я их ещё не видел.

— Пацаны? Вы что тут делаете?

— Не поверишь, к тебе пришли! — выпалил Стас.

— Ты что, совсем? Два дня пишем, звоним, а ты в игноре. Что за фигня? — возмутился Саша.

— Ладно, заходите. Всё объясню у себя.

Друзья разулись и молча поплелись за мной на второй этаж. Пять минут до комнаты тянулись вечностью. Что им сказать? Решил выложить всё как есть. Пусть сами решают, что делать.

— Ну, рассказывай! — Саша плюхнулся на кровать, скрестив руки на груди.

Я начал с самого начала: про отцовский план женить меня на ком попало, чтобы я остался здесь и стал наследником. И, вишенка на торте, — перевод в школу к этой девице, чтобы я начал с ней «общаться».

Парни сначала молчали, переваривая услышанное, но потом их прорвало. Саня заметался по комнате, осыпая моего отца нелестными эпитетами. Стас тут же позвонил своим родителям, просить о переводе в мою новую школу. Но, увы, времени не осталось — до начала учёбы всего три дня.

— Ну, мы знали, что твой отец ещё тот козел, но чтобы настолько... — Стас отпил сок из стакана, который я ему протянул. — Не понимаю одного: зачем?

— Скорее всего, эта девка — чья-то важная дочка, и ваш брак поможет отцу. Наверняка у твоего старика какие-то проблемы в бизнесе, и он решил так их разрулить, — ехидно предположил Саня.

— Да, но сегодня мероприятие, где я познакомлюсь и с ней, и с будущим тестем. А я вообще о женитьбе лет так через пять не думал. Хочу перед заключением в эти оковы нагуляться вдоволь, — усмехнулся я, но в этом смехе не было веселья.

— Бедный наш Никитос, целый год без баб! Как тебя жаль! — Стас показал язык, пытаясь разрядить обстановку.

— Ой, катись, Стас. А что ты с бабой делать будешь?

— Не знаю, пацаны, надо будет по ситуации смотреть. Пообщаемся, вдруг ей этот брак тоже не нужен.

— Год без тебя в школе нам тяжело будет. Придётся тебе на вечеринки выбираться, чтобы видеться.

Сложно будет одному в новой школе. Нужно попросить отца помочь, поставить ему какое-то условие. Не хочу быть там новичком.

— Вечеринки вряд ли. Будем по выходным где-нибудь встречаться, и всё будет хорошо. Главное — год продержаться. Попробую что-нибудь с отцом придумать. И свалим из города отсюда.

— Устрой отцу такую же подлость, как и он тебе. Давай сегодня свалим к Игорю, оттянемся по полной! И плевать на твоего отца, — выпалил Стас, подталкивая к безрассудству.

— Он меня живём сожрёт, если узнает. Нет уж, потерплю год. А с девкой я как-нибудь разберусь, — ответил я, опускаясь на стул и проводя рукой по волосам.

— Никитос, может, всё-таки подумаешь насчёт своей «второй жизни»?

— А что с ней не так? Я хочу год продержаться и свалить. Не готов всё потерять ради баб и тусовок. Да и если уж на то пошло, найду девчонку для секса.

Да, моя тёмная сторона изматывает куда сильнее, чем образ идеального сына. Сегодня нужно любой ценой вырваться к Игорю на дачу, чтобы оторваться напоследок. Мне нужна разрядка, мне нужна осязаемая плоть. Временами сам себя боюсь. Все считают меня демоном, и порой я начинаю верить в это. Я одержим той девушкой, но не могу понять, что в ней такого особенного. Думаю, стоит перестать её искать, перестать заикливаться на желании ею обладать. Видя её во снах, я жажду прикоснуться, вдохнуть аромат её духов, ощутить податливость её тела. Срочно нужна девушка.

— Попробую сегодня улизнуть от отца и приеду к Игорю на дачу. Мне нужна передышка от всего этого, — произнёс я, словно с мольбой.

— Вот красавчик! — воскликнул Стас, вскакивая с места.

— Ну, короче, нам пора. Если что, звони, пиши, — бросил Саня на прощание.

Проводив друзей, я вернулся в комнату. Нужно привести себя в порядок перед вылазкой. Приняв душ, решил разузнать немного о новой школе и её обитателях. Ничего примечательного. Обычная школа, где учатся умные и обеспеченные дети. Фотографий учеников нет, жаль. Наверняка там полно девчонок, которые легко поддадутся. Люблю трахаться в школьных раздевалках и туалетах. А тут новая кровь, новые жертвы. Хоть один плюс от этого заведения.

Стук в дверь, настойчивый, как непрошенный гость, вырвал меня из плена задумчивости.

— Войдите!

— Никита Александрович, отец к себе просит, — прозвучал приглушённый голос горничной.

— Скоро буду. Благодарю.

Спускаясь в отцовский кабинет, я невольно стал свидетелем сцены, разыгравшейся между ним и мачехой.

— Саша, прошу тебя, прекрати этот фарс. Я люблю тебя.

— Ты любишь мои деньги, вот что ты любишь. Мне это осточертело. Я подаю на развод.

— Ах, вот как! Прекрасно! У меня лучшие адвокаты, я тебя до нитки обдеру и твоего мальчишку заодно!

— Ах ты, змея! Только посмей что-нибудь предпринять, всё уже давно переписано на Никиту. При разводе ты не получишь ничего.

Я уже занес руку, чтобы постучать, но дверь распахнулась, и удар пришёлся мне в лоб. Мачеха вылетела из кабинета, словно фурия, готовая испепелить всё вокруг. Наконец-то отец прозрел и понял, что ей нужны только его деньги.

Войдя в кабинет, я увидел, как отец дрожащей рукой плеснул себе коньяк в бокал. Чувствую ли я жалость к нему? Ни капли! Так ему и надо, он заслуживает всё, что с ним происходит. Это его карма, отец, и он сполна пожинает её плоды!

— Проходи, садись, — махнул отец рукой.

— Что хотел? Мне ещё собраться нужно, — бросил я, опускаясь в кресло.

— Сынок, прости, что говорю это, но мне нужна твоя помощь. В моей компании сейчас не лучшие времена. Да ещё и с твоей мачехой развод. Изменяет мне уже несколько лет. Фотографии прислали, — он подвинул ко мне папку с компроматом.

Подойдя к столу и взглянув на снимки, я сразу узнал её инструктора по танцам. Банальная история. Как ни почитаю статьи о влиятельных людях, каждый второй разводится с молодыми жёнами, изменившими им с инструкторами.

— Отец, это твоя жизнь. Я в неё не лезу. Решай сам. При чём тут я? — я вернулся на своё место.

— Сегодня важный ужин. Покажи себя с лучшей стороны. Я представлю тебя твоему будущему тестю и невесте. Жду от тебя послушания. Если всё пройдёт успешно, у компании появится шанс выкарабкаться из кризиса, — произнёс он с отчаянной надеждой в голосе.

— Повиноваться? Отец, да я только этим и занимаюсь! Изображаю благополучие, примерного сына. Только вот ты за моей спиной переписываешь на меня активы, не спросив, нужно ли мне это! Заставляешь менять школы, бросать друзей, всё, что мне дорого! И ещё этот брак... Кто сейчас вообще так делает? А если мы не понравимся друг другу? Нам что, всю жизнь жить в разных комнатах, делая вид, что мы — счастливая семья? Ты свою семью, если мне память не изменяет, бросил ради девушки, которая в итоге тебя же и обвела вокруг пальца, — с саркастическими аплодисментами закончил я, чувствуя, как внутри всё кипит от несправедливости.

— Ты вообще не имеешь права так со мной разговаривать! Ты что, забылся? Будешь делать так, как я хочу. Если потребуется, будете спать в разных комнатах! — отрезал он, допивая коньяк. — А теперь марш собираться на мероприятие! Чтобы был готов вовремя

Я сжал кулаки, ногти впились в ладони. Его слова ранили, но ещё большее было осознавать свою беспомощность.

— Я не пойду, — огрызнулся я. — Через два дня школа, хочу провести остаток лета с друзьями.

— Если ты выйдешь за порог, обратно не вернёшься, и можешь забыть о поступлении в Москву.

Его слова обожгли, словно кипятком. Он прекрасно знал, что без его денег я не смогу позволить себе учёбу. В груди защемило от осознания собственной зависимости. Нужно постараться, перетерпеть этот год.

— Хорошо, — выдохнул я, стараясь унять дрожь в голосе. — Но я пробуду там три часа и уеду к друзьям. И вернусь утром!

— Ты мне ещё условия ставишь?! — прорычал он в ответ, сжимая бокал так, что костяшки побелели.

— Прошу, — я сделал над собой усилие, смягчив тон. — Я делаю всё, что ты просишь, делаю, как скажешь. Позволь мне эту маленькую поблажку. Я сделаю всё что угодно.

Отец помолчал, разглядывая меня, будто взвешивая каждое слово. Потом устало махнул рукой:

— Просто веди себя там подобающе, с девушкой.

С этими словами я направился к себе, предвкушая радость встречи с друзьями. Набрал их номера, но никто не ответил. Решив не терять времени, кинул сообщение в общий чат:

Никита: Мне разрешили гулять с вами до утра! Пробуду с отцом три часа и сразу к вам.

Саня: Как ты его уломал?

Стас: Братан, это супер! Пошёл искать тебе девчонку на ночь.

Достав из-под кровати сумку, я начал собирать вещи на дачу. Пара маек, штаны, кофта... И, конечно, самое главное — пачка презервативов. Без них никак нельзя. Ах да, ещё зубная щётка.

Сходя в душ напоследок, надел чёрный смокинг. «Думаю, без бабочки обойдёмся», — решил я, расстёгивая верхние пуговицы рубашки. Взял телефон и сумку. Чуть не забыл маску — аккуратно положил её сверху. Вечер обещает быть интересным.

Выйдя из комнаты, встретил отца в холле. Нас уже ждал Михаил с машиной. Кивнув отцу, пропустил его вперёд и, сев в машину, устремил взгляд на мелькающий за окном город. Улицы, фонари, силуэты домов — всё сливалось в размытую картину, пока я пытался собраться с мыслями. Отец читал какие-то бумаги, не обращая на меня внимания. Его профиль в свете уличных огней казался жёстким, чужим.

«Неужели он совсем не видит во мне человека? — мелькнула горькая мысль. — Для него я лишь инструмент, пешка в его игре».

Доехали мы быстро. Надев маску, я вышел из машины. В этом доме я прежде бывал — помнил мраморные ступени, тяжёлые двери, запах дорогих духов в холле. Но сегодня всё выглядело иначе: более холодным, более чужим.

10.Никита

Ступив за порог, я окунулся в призрачные объятия прошлого, словно вернулся на десять лет назад — к той девочке, образ которой преследовал меня ночами. Каждое торжество в этих стенах отзывалось во мне тревогой, необъяснимой душевной болью, будто кто-то сжимал сердце ледяной рукой. Я гнал от себя мысль о её поисках, о попытках разгадать тайну её исчезновения. Сейчас, когда вокруг царит веселье, моя единственная задача — подарить миру искреннюю улыбку и приветствовать каждого, кто встретится на пути

Проследовав за отцом в просторный зал, я был захлестнут вихрем громкой музыки и ослепительных огней. Все гости были в масках, превращаясь в загадочные силуэты, скрывающие свои истинные лица. В этой суматохе невозможно было понять, кто есть кто. Но нельзя не отдать должное хозяину дома — в этой атмосфере таилась особая, притягательная изюминка: смесь роскоши и тайны, где каждый жест, каждый взгляд казались частью какого-то негласного ритуала.

Поближе к центру зала я подошёл к барной стойке, ощущая нарастающее желание остаться наедине с собой. Попросив у бармена стакан воды, сделал глоток, пытаюсь успокоить взволнованные мысли. Холодная жидкость слегка отрезвила, но не смогла заглушить внутреннего беспокойства. Оглядевшись, мой взгляд остановился на девушке в пудровом платье.

Её волосы были собраны в элегантный пучок, а тонкая прядь, непокорно выбившись, касалась щеки, скрывая черты лица. Я видел её лишь вполоборота, но изящество её фигуры, тонкой, словно у лебедя, не ускользнуло от моего внимания. Казалось, она была ровесницей моей юности или даже моложе — хрупкая и невесомая, будто сотканная из лунного света.

Посмотрев ещё немного, я начал наблюдать за ней. В ней было что-то притягательное, загадочное — не просто красота, а какая-то внутренняя тайна. Плечи обнажены, кожа светится в полумраке, словно подсвеченная изнутри. Вдруг она двинулась в мою сторону. И вот я разглядел её лицо: глаза — зелёные, как изумруды, глубокие и бездонные; губы тонкие, без следа помады. Макияжа почти не было — лишь лёгкая тень под глазами, подчёркивающая их выразительность. Я отвык видеть девушек с таким естественным обликом. Обычно те, с кем я возился, мазались косметикой без меры — и это их только старило.

Вырез на платье был глубоким, открывая край кружевного бюстгальтера. Ещё чуть-чуть — и она подойдёт. Но вместо этого она свернула к стене и попросила официанта бокал колы. Несовершеннолетняя. Забавно.

Если бы она повернулась и поймала мой взгляд... Я замер, разглядывая линию её шеи — изящную, хрупкую. В голове вспыхнули образы: я представил, как сжимаю её нежно, но крепко, покрывая поцелуями. Раньше я всегда воображал девушек подо мной: они извиваются, кричат, прося большего. Но у меня твёрдые правила. Я не целуюсь во время секса. Поцелуй для меня интимнее, чем акт. Секс можно подарить любой, а поцелуй — нет.

Из моих грёз меня вырвал отец — он громко выкрикнул моё имя, перекрывая музыку. Бросив последний взгляд на девушку, я направился к нему, чувствуя, как внутри что-то дрогнуло.

Он стоял в окружении милой пары: мужчина, как я понял, хозяин дома, и друг моего отца. Рядом с ним — его супруга. На ней было платье удивительной красоты, смелое и откровенное, но взгляд её... Он был полон такой доброты и нежности, что напомнил мне маму.

Я редко вспоминал маму, страшась потерять себя в этой тоске. Как же её не хватает! Если бы она была жива, мне бы не пришлось здесь изображать из себя примерного сына, улыбаться тем, кого презираю, и кивать в такт разговорам, от которых тошнит. Мама не любила таких светских раутов. Ей милее был тихий вечер с книгой или фильм на диване. Эта любовь к кни-

гам — всё от неё. «Мама, если ты слышишь меня... спасибо тебе», — произнёс я мысленно, подняв глаза к потолку, украшенному лепниной.

Отец и его друг увлечённо беседовали о чём-то, размахивая бокалами. Я изо всех сил старался не вникать в их слова, желая лишь одного — поскорее убраться отсюда, вдохнуть свежего воздуха, сбросить этот смокинг, как змеиную кожу. Телефон в кармане завибрировал. Я отступил от отца, вышел в холл, чтобы ответить. Звонил Стас.

— Друг, что стряслось? — раздался взволнованный голос Стаса в трубке.

— Ничего особенного, — ответил я, пытаясь скрыть надвигающуюся тревогу. В груди всё ещё билась картина: девушка в пудровом платье, её зелёные глаза, словно два изумруда в полумраке зала. — Просто тут всех самых прекрасных девушек уже разобрали, а тебя ещё нет. Ты уже познакомился со своей невестой?

— Ещё нет. Скоро буду. Придержи мне десерт, пожалуйста, — бросил я на автомате, хотя мысль о десерте вызывала лишь усмешку.

Отключив телефон, я направился в уборную, чтобы привести себя в порядок. Прохладная вода, коснувшись моего лица, мгновенно вернула ясность мыслям, словно омывая накопившуюся усталость и сбивчивые образы. Капли стекали по щекам, падая в раковину с тихим звоном. Ещё немного, и всё закончится.

Интересно, какой окажется моя невестушка? Скорее всего, избалованная и эгоистичная. Как и все девушки подобного положения. Сколько их было, тех, кто умолял сохранить их тайну, боясь запятнать свой статус или имя отца. Мне это никогда не нравилось — эта вечная игра в приличия, где за улыбкой скрывается расчёт. А значит, и она, скорее всего, не придёт мне по душе. Сама идея этого брака, заключённого ради слияния компаний, вызывала во мне лишь отторжение.

Глубоко вздохнув, я вытер лицо полотенцем и посмотрел в зеркало. Тёмные круги под глазами, напряжённая линия губ — я выглядел так, будто готовился не к светскому рауту, а к битве. «Держись, — мысленно приказал я себе. — Всего несколько часов. Потом — свобода».

Вернувшись в зал, я пошёл к отцу. Он, как и прежде, стоял вместе с другом — оба размахивали бокалами, смеялись, не замечая, как вокруг них кружатся маски, превращая вечер в какой-то сюрреалистичный спектакль.

К нам подошла девушка. Я опустил взгляд, не в силах взглянуть на неё сразу, и уставился на её белые туфли. От вида этих туфель меня чуть не стошнило: розовые, с цветочками, будто купленные для пятилетней девочки. «Ей что, пять лет?» — мелькнуло в голове с едкой насмешкой.

— Добрый вечер, — сказала она, оказавшись рядом с родителями.

— Здравствуйте, Ника, — отозвался отец.

Её голос, изначально ласковый и умиротворяющий, словно шёпот ветра в тихом лесу, внезапно пронзили трепетные нотки тревоги. Я не смел поднять взгляд, предпочитая оставаться в тени, полагая, что передо мной лишь очередная избалованная дочка, привыкшая получать всё по щелчку пальцев. В голове мелькнула привычная мысль: «Ещё одна кукла в дорогом платье, играющая роль идеальной невесты».

Но слова отца, сказанные с едва уловимой мольбой, заставили мои глаза подняться. Он редко говорил так — без властных интонаций, без привычного командного тона. Это заставило меня насторожиться.

И вот я увидел её — ту самую, окутанную тайной девушку, чьи глаза, казалось, хранили далёкие звёзды.

Время будто замерло. Пудровое платье мягко очерчивало силуэт, подчёркивая хрупкость и одновременно какую-то внутреннюю силу. Прядь волос, выбившаяся из причёски, всё так же касалась щеки — теперь я мог разглядеть её отчётливо. Зелёные глаза смотрели прямо на

меня: не вызывающе, не заискивающе, а с тихим вызовом, будто она тоже пыталась разгадать, что скрывается за моей маской безразличия.

Я невольно задержал дыхание. Всё, что я успел нафантазировать о ней — избалованность, эгоизм, расчётливость, — рассыпалось в прах. Перед мной стояла не кукла, не пешка в игре отцов, а живой человек. И в этом взгляде читалось то, чего я не ожидал увидеть: сопротивление. Она тоже не хотела этого брака.

Лёгкий румянец проступил на её щеках, когда наши взгляды встретились. Она чуть заметно сжала пальцами край платья — единственный признак того, что она нервничает. Но подбородок остался приподнятым, осанка — прямой.

Она слегка кивнула, и в уголках её губ мелькнула тень улыбки — не фальшивой, светской, а какой-то настоящей, почти робкой. И от этого простого жеста внутри меня что-то дрогнуло.

«Что, если я ошибался насчёт неё?» — пронеслось в голове. Впервые за долгое время я почувствовал не раздражение, а искреннее любопытство. Кто же ты на самом деле, Ника?

— Ника, знакомься: это Александр Петрович, мой лучший друг и, как бы это сказать, соратник по бизнесу, — представил ее отец. — А это его сын, Никита.

— Приятно познакомиться, — с натянутой улыбкой произнесла она. — Надеюсь, вам у нас понравится.

— Никита, — голос отца нарушил эту странную тишину между нами, — позволь представить тебе Нику. Твою будущую невесту.

— Простите, что? — одновременно вырвалось у нас с Никой.

И тут меня осенило: вот она — моя невеста. Теперь я видел её лицо и тело в мельчайших деталях — каждую линию профиля, лёгкий изгиб бровей, трепет ресниц, тень на скуле от мерцающих огней. Но осознание того, что именно из-за неё я потерял школу, потерял друзей, зажгло во мне бурю. Злость и гнев захлестнули меня, словно ледяная волна, парализуя дыхание.

Мне захотелось исчезнуть, раствориться в толпе, лишь бы не видеть её. Она стояла передо мной, такая невинная, такая милая — с этой едва заметной улыбкой, с лёгким румянцем на щеках. Всё моё прежнее любопытство, тот проблеск интереса, что вспыхнул мгновение назад, погасли в одно мгновение.

Все мои прежние желания — стремление подчинить её себе, услышать её крики, зовущие моё имя, — испарились без следа. Осталось лишь одно: вырвать её из моей жизни, покончить с этим фарсом прямо сейчас, пока он не успел пустить корни.

Я протянул руку, скорчив подобие улыбки — натянутой, неестественной, выдающей внутреннюю борьбу.

— Очень приятно наконец-то с тобой познакомиться, невестушка, — протянул руку с издевательской вежливостью,

Смотреть на всё это шоу было очень странно. Ника что-то говорила своему старику — тихо, почти беззвучно, склонив голову, словно пытаясь донести до него мысль, которую нельзя выразить громко. Даже её мать вставила свои слова — коротко, резко, с той особой интонацией, что сразу выдавала: она не поддерживает дочь, а лишь выполняет ритуал.

Её вид красноречиво говорил о том, как чужд ей был этот момент. Душа её металась в немом отчаянии, будто птица, запертая в тесной клетке. По телу, словно от ледяного прикосновения, пробежали мурашки, а щёки вспыхнули ярким румянцем — то ли стыда, то ли обиды, то ли бессильной ярости. В её глазах, полных невысказанной боли, застыли слёзы, готовые вот-вот сорваться и оросить лицо. Она сжала пальцами край платья — едва заметное движение, выдающее внутреннюю борьбу.

— Я не успел сообщить ему о своем решении не заключать договорной брак. Прости, Саша. Но, к сожалению, я не отдам свою дочь за твоего сына, — проговорил хозяин дома, обнимая дочь.

Даже так. Мне уже симпатичен мой не состоявшийся тесть. В нем есть что-то завораживающее, что-то, что вызывает глубокое уважение. Взгляд мой упал на нее, и я замер, утонув в ее глазах. Они были похожи на глаза той самой, моей таинственной, мною искомой. Но, увы, в них не было той неуловимой искры, что горела в ее очах.

Внезапно, словно разрывая тишину, из уст отца вырвался крик, наполненный отчаянием.

— Эдик, мы же всё решили! Мой сын уже перевёлся в её школу — да ещё и под конец учебного года! Ты понимаешь, как ты подставляешь и меня, и себя? Этот брак выгоден нам обоим!

— Я понимаю тебя и твою злость, — ответил отец Ники мягче, но в его голосе звучала непреклонная сталь. — Но я не могу так поступить со своей дочерью и женой. Мы всё решили. Мы найдём другой способ. Давай не будем портить вечер. Поговорим позже, у меня в кабинете.

— Говорить не о чём! Ты меня подставил! — выкрикнуло отец. — Мы договорились: ты ставишь свою дочь во главе компании, а я — своего сына. И они, посредством брака, смогли бы всё объединить!

Вот это кульбит судьбы! Как же я сожалею, что нет рядом ведёрка с хрустящим попкорном, чтобы сполна насладиться этим спектаклем. Страсти тут кипят такие, что любая мелодрама покажется детской сказкой. И как горько осознавать, что все отцовские надежды, этот хрупкий картонный домик, рассыпались в прах, едва успев возвестись.

Она мне не по душе, эта девушка — по крайней мере, так я себя убеждал. Но её отец — это нечто! Настоящий фейерверк эмоций: то взрывается гневом, то вдруг становится приторно-любезным, то замирает с отсутствующим взглядом, будто видит что-то за пределами этой залы. Пламя, которое не потушить. И я почти уверен, что и его супруга, эта загадочная женщина, имеет к этому свою долю.

Впервые взглянув на неё, я уловил отголосок знакомого лица, будто бы мы уже встречались. Весь вечер я избегал её взгляда, стараясь не замечать — слишком уж настойчиво он цеплялся за меня, слишком много в нём было невысказанного. Но сейчас... сейчас я поймал её взгляд. Он был полон понимания, глубокой озабоченности, и в нём я увидел... снова увидел её.

Это лицо — я точно где-то её видел. Не просто мимолётное сходство, а что-то более глубокое: линия подбородка, изгиб бровей, тень в уголках глаз — всё это складывалось в образ, который упорно ускользал от воспоминаний.

— Ника, прости, я не хотел, чтобы ты узнала так, — отец положил руку ей на плечо. — Ты моя дочь и наследница. Рано или поздно тебе предстояло занять моё место. Я думал, если ваш брак с Никитой состоится, то смогу поставить его, а ты будешь заниматься тем, чем хотела. Но брака не будет. И поэтому придётся сделать так.

На этой прощальной ноте, с горечью в душе, я осознал, что моё время здесь истекло. Этот вечер, омрачённый отцом моей невесты, словно печатью, подтвердил неизбежность. И хоть вечер был безнадежно испорчен, от этого не изменилось одно: мне предстоит провести целый год в одной школе с той, чьё присутствие теперь будет всегда рядом. Нужно найти выход, найти путь к примирению с этой реальностью — или хотя бы научиться с ней жить.

Она склонила голову в прощальном жесте и направилась к выходу, скользя между гостями, как тень. Её плечи были напряжены, спина — прямой, но в каждом шаге читалась усталость. Я же, повернувшись к отцу, произнёс:

— Отец, я пойду. Здесь мне больше нечего делать. Я к другу, как ты и обещал.

— Иди, — ответил он, не глядя на меня, поправляя манжету рубашки с привычным жестом превосходства. — А я сам разберусь со всем. Но завтра к обеду будь дома.

Кивнув в знак согласия, я поспешил за ней, пытаюсь догнать. В зале всё ещё гремела музыка, кто-то смеялся, бокалы звенели — но для меня этот мир сузился до силуэта в пудровом платье, исчезающего в арке коридора.

Настигнув её на лестнице, я коснулся её руки. И в этот миг меня пронзил электрический разряд — не метафора, а самое настоящее физическое ощущение, от которого по телу пробежали мурашки. Ладонь её была прохладной, но прикосновение обожгло, будто искра пробежала между нами.

Что это за неведомое чувство, бушующее во мне? Не злость, не раздражение, не презрение — что-то совсем иное. В груди зашевелилось что-то, чего я давно не испытывал: интерес, смешанный с тревогой, и ещё — странное, почти забытое желание защитить.

— Постой, невестушка, — раздался голос Никиты за спиной.

— Отпусти меня, или закричу! Отец тебе голову оторвёт, если увидит, что ты меня схватил, — проговорила она, резко вырывая руку из моей ладони.

С негибаемым характером, она не посмела снять маску, укрывающую раненую душу. Любопытство, смешанное с тоской, пронзило сердце — как же прекрасна её истинная сущность, скрытая от мира за этой холодной, чужой личиной?

Я невольно задержал взгляд на её профиле: ровный нос, упрямый изгиб подбородка, ресницы, отбрасывающие тонкие тени на щёки. В каждом движении — сдержанная сила, в каждом жесте — попытка сохранить достоинство, несмотря на всё, что обрушилось на неё этим вечером.

«Что же ты прячешь под этой бронёй?» — мысленно спросил я, хотя знал ответ: страх, боль, одиночество — то, что знакомо и мне. Мы оба прятались за масками, только моя была циничной и колючей, а её — ледяной и безупречной.

Мне вдруг отчаянно захотелось увидеть её настоящую — ту, что скрывается за этой безупречной выправкой. Ту, что, возможно, смеётся до слёз над глупыми шутками, или хмурится, углубляясь в книгу, или, может быть, иногда позволяет себе просто расплакаться, когда никто не видит.

— Думаешь, это меня остановит, невестушка?

— Во-первых, ты в моём доме, значит, здесь командовать буду я. Во-вторых, не смей так меня называть!

В её голосе плескался ледяной страх, перемешанный с обжигающей злобой. Сердце её, вероятно, металось в смятении, не в силах объять происходящее.

— Слушай меня внимательно и запоминай, — он сделал шаг вперёд, нависая надо мной. — Мы теперь учимся в одной школе, хочешь ты этого или нет. Мне совсем не нравится идея, что мы чуть ли не поженились друг на друге, и уж точно не будет этого брака. Ты живёшь своей жизнью, я — своей. То, что мы знакомы, теперь должно быть тайной. И не смей лезть ко мне. Усекла?

— Ты ещё кто такой, чтобы мне указывать? Да и нужен ты мне, как собаке пятая нога! — отступила на шаг от меня сохраняя дистанцию. — Я хочу закончить учёбу и свалить отсюда, и ты в мои планы не входишь. Поэтому советую тебе свалить и попросить отца перевестись обратно. И плевать мне, что осталось два дня до конца лета. Это твои проблемы.

Я рассмеялся — коротко и жёстко.

— У тебя сильный характер. Люблю таких, — мой голос стал тише, но от этого не менее угрожающим. — Но, боюсь, перевестись я не смогу, как бы ты этого ни хотела. Поэтому придётся тебе меня терпеть целый год. И в твоих же интересах это, невестушка.

Не дав ей договорить ни слова, я рванул к двери. Меня душила жажда — уйти, напиться, забыться хоть на пару часов. Хотелось верить, что у Игоря веселье ещё в разгаре, а Стас приберёт для меня что-то особенное. Боже, как же мне хотелось сейчас кого-то ударить! Кулаки

непроизвольно сжимались, в висках стучала кровь, а в груди клокотала смесь злости и растерянности.

Оказавшись в такси, я дрожащими пальцами набирал друзьям сообщение, что уже в пути:

Никита: *Вы ещё там? Я еду.*

Стас: *Братан, наконец-то! Мы как раз открываем вторую бутылку.*

Саша: *Заждались тебя. Тащи свою задницу сюда.*

Коротко выдохнув, я откинулся на сиденье. На мгновение стало легче — скоро будет шум, смех, алкоголь, всё то, что поможет заглушить мысли о ней.

В дороге я решил на поиски своей будущей жены в соцсетях. Открыл приложение, вбил имя — и вот она. Её страница была тусклой, будто намеренно скрытой от чужих глаз: лишь фотографии природы — туманные леса, рассвет над озером, ветви цветущей сакуры — да уютные кафе с чашкой кофе на столе. Ни единого следа её самой. Никаких селфи, никаких вечеринок, никаких намёков на ту холодную королеву, какой она казалась в школе.

Но статус... Статус был мне до боли знаком. Короткая фраза, написанная курсивом:

«Иногда кажется, что маска приросла к коже, и ты уже не помнишь, каково это — быть собой».

Я замер, уставившись в экран. Эти слова ударили точно в цель, заставив сердце сжаться. Как будто она написала их специально для меня, чтобы я наконец понял: за этой безупречной броней прячется кто-то живой. Кто-то, кто тоже страдает, тоже устал, тоже ищет выход.

Телефон завибрировал — новое сообщение от Стаса:

Стас: *Чего тормозишь? Мы ждём!*

Я убрал телефон, глубоко вдохнул и попытался сосредоточиться на том, что впереди: друзья, шум, веселье. Но где-то на краю сознания всё ещё звучали её слова — те, что были написаны не мне, но попали точно в цель.

«Может, я ошибся насчёт неё?» — мелькнуло в голове. Но тут же я одёрнул себя: «Нет. Нельзя расслабляться. Это может быть игрой. Или просто совпадением».

Такси мчалось по вечерним улицам, огни города мелькали за окном, а я всё пытался решить: стоит ли пытаться заглянуть за эту маску — или лучше держаться подальше, пока не стало слишком поздно?

Подъехав к даче Игоря, я, словно освобождаясь от пут, расплатился и выскользнул из машины, убирая телефон в карман, будто пряча заветный артефакт.

Переступив порог дома, я был захлестнут цунами оглушительной музыки. Басы отдавались в груди, свет стробоскопа резал глаза. Всё вокруг казалось хаотичным, бурлящим, словно сама жизнь утратила контроль. Кто-то был повержен на пол, будто сломленный обломками бытия, — парень в расстёгнутой рубашке без сил откинулся на ковёр, закрыв лицо руками. На диване, в объятиях страсти, слилась пара: их поцелуи были подобны пожиранию, безудержному и всепоглощающему. В этой вакханалии я лихорадочно искал родственные души, знакомые лица, но тщетно — все казались чужими, растворились в хаосе вечеринки.

Не найдя никого, я устремился вверх, в тишину комнаты, ища убежище и возможность обрести себя. Обнаружив свободное помещение, я позволил себе войти. В ванной, под струями живительной воды, я попытался смыть с себя остатки этого вечера, словно стирая следы чужих жизней, чужих страстей. Холодные капли били по плечам, возвращая к реальности, а шум внизу постепенно затихал, отдалялся, будто принадлежал другому миру.

Когда я вышел, укутанный лишь мягким полотенцем, из кровати донёсся тихий, едва слышный стон. Там, в объятиях ночи, покоился Стас с незнакомкой. Увидев меня, он, словно очнувшись от наваждения, улыбнулся, отрываясь от своей пленницы.

— Братан, пожаловал? А позвонить-то не удосужился? — произнёс он, застёгивая ширинку.

— Я сообщение отправил. Если не увидел — твои проблемы, — бросил я, подхватывая сумку с вещами.

Стас, попросив девушку выйти, чтобы остаться со мной наедине, повернулся ко мне. В её глазах читалось явное нежелание покидать комнату — она медлила, бросая на него многозначительные взгляды, но всё же вышла, тихо прикрыв дверь.

— Ну-с, ваше величество, излагайте. Жду подробностей, — произнёс он, опускаясь на край кровати и похлопывая рядом с собой.

— Рассказывать, в общем-то, нечего. Свадьбы не будет. Отец моей невесты против брака, но хочет поставить её во главе компании — ответил я, надевая боксеры и глядя в зеркало. Моё отражение казалось чужим: осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами.

— Даже так? Любопытно, а сама-то она... симпатичная? — Стас оперся на согнутую руку, внимательно следя за моей реакцией.

— Сам не знаю. Есть в ней что-то притягательное, но и злобное одновременно. Как роза — красива, но с шипами. Обычная. Папа — богач, мама — нормальная. Словно наша семья, только мать там жива, и все счастливы, — я замолчал, погружаясь в мысли.

На миг я застыл, словно увидел отражение нашей семьи, если бы отец не ушёл, а мама осталась жива. Я стал задумываться: а встретил бы я тогда своих друзей? Не озлобился бы я так, не стал бы жестоким по отношению к отцу? И смог бы я любить — по-настоящему, без страха и горечи?

— Обалдеть, обычная! Я-то думал, мажорка какая-нибудь. Покажешь потом её личико? Полагаю, ты к нам возвращаешься? — Стас подался вперёд, искренне заинтересованный.

— К сожалению, нет. Придётся терпеть этот вонючий год в школе, и её рядом, — я сел на стул, устало потирая виски.

— Да ладно, братан! Я сейчас родителям позвоню, попрошу помочь. Не бросим тебя одного.

— Не стоит. Буду с вами, появляться после уроков и по выходным. Год потерпеть — и свобода, — я поднял взгляд. — Остался всего год, чтобы сбежать отсюда, перестать играть роль примерного сына. Чтобы наконец стать самим собой.

Стас помолчал, потом хлопнул меня по плечу:

— Ты справишься. И мы рядом. Помни об этом.

Я кивнул, чувствуя, как внутри что-то оттаивает. Может, и правда не всё так безнадежно? Может, этот год не станет адом, если рядом будут те, кто действительно меня понимает?

11. Ника

Подъезжая к дому, приютившемуся на самой окраине города, я заметила целую толпу народу. Выпорхнув из такси, я расплатилась с водителем — прощай, последний наличный! — и, проскользнув в калитку, решила позвонить девчонкам. Их почему-то рядом с домом не наблюдалось. Не получив ответа на звонок, я смело отправилась на поиски внутри.

Едва переступив порог, я почувствовала, как на меня нахлынула волна грусти. Ну и обстановка! Конечно, я хотела оторваться, сбросить напряжение, но вот такого я точно не ожидала. Вокруг царил полный хаос: музыка гремела так, что закладывало уши, воздух был пропитан запахом алкоголя и пота, повсюду валялись пустые банки и стаканы. Кто-то громко спорил в углу, кто-то танцевал, почти не попадая в такт, а пара ребят уже мирно дремала на диване, закрывшись чьей-то курткой. Это стремительно бросало меня в панику.

Опершись о стену, я начала судорожно строчить сообщение девчонкам, молясь, чтобы они хотя бы прочитали его:

Девочки, я на первом этаже около кухни. Вы где? — Ника

Мне страшно, я собираюсь уйти. — Ника

Не получив ответа, я, охваченная тревогой, набрала номер мамы. Выйдя на промозглую улицу, где ветер, как шаловливый ребёнок, играл с моим хвостом, я обхватила себя руками, пытаюсь согреться. Едва прозвучало три долгих гудка, как её голос, тонкий, как паутинка, зазвучал в трубке:

— Доченька, что-то случилось? — в её голосе промелькнула дрожь, будто эхо моих собственных страхов.

— Нет, всё хорошо, мамочка. Просто решила позвонить, чтобы ты не волновалась. Вы ещё отмечаете? — я старалась, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее, но сердце моё металось птицей в клетке.

— Почти закончили. Папа... он не в настроении. После разговора с Александром Петровичем так разгневался. Думаю, ему нужно с тобой поговорить. Хотел подняться к тебе, но я остановила. Сказала, что тебе сейчас нужно побыть одной, — мама говорила тихо, почти шёпотом, будто боялась, что её услышат. — Я понимаю, что тебе хочется отдохнуть от всего этого — от нас, от мира. Но, прошу тебя, будь осторожна. И как только почувствуешь малейшую опасность, не раздумывая, вызывай такси и домой. И как только сядешь в машину, напиши мне. Я буду ждать тебя в холле, чтобы отец ничего не узнал. Я люблю тебя, доченька. Мы вместе со всем этим справимся.

Я сглотнула комочек в горле, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

От её слов мне стало так тепло, так уютно, словно она закутала меня в свой самый мягкий плед. Но тут же нахлынула волна отчаяния. Как мы можем справиться со всем этим? Почему отец решил обойтись без разговора, без моего мнения, просто вручив мне управление компанией?

Никогда не хотела быть начальницей. Эта роль мне чужда, как чужой язык. Сидеть в громоздком кресле, подписывать кипы документов, умолять секретаршу пропустить кого-то в кабинет... А совет директоров! Эти безжалостные псы, готовые разорвать тебя на куски, едва ты совершишь малейшую ошибку. Я всегда думала, что если у отца не будет наследника, он просто доверит компанию другому человеку и уйдёт на покой. Я и представить не могла, что у него такие, столь неожиданные, планы.

И этот Никита...

Стоя под бездонным, усыпанным бриллиантами звёзд небом, я невольно думала о нём. В нём не было ничего притягательного — обычный мажор, каких тысячи. Но когда он, фальшиво

растянув губы в улыбке, протянул мне руку, я споткнулась о его карие глаза. Они источали какой-то зловещий холод — то ли злобу, то ли глубокое отчаяние.

Его пухлые губы, казалось, только что жадно целовали кого-то без остановки. Кто знает, может, перед приездом на это дурацкое мероприятие он уже успел кого-то «покорить», или же прямо здесь, среди сияющей толпы. Таким, как он, без разницы, где именно «выгуливать» своих подружек. Острые, как лезвие, скулы — я боялась, что одно неосторожное прикосновение может меня порезать. Его синий костюм, безупречно облегающий стройное тело, открывал вид на мускулистые руки, испещрённые вздутыми венами.

Я невольно сжала пальцами край куртки, пытаюсь отогнать эти навязчивые образы. Почему он так засел у меня в голове? Почему я разглядывала его так пристально, будто пыталась разгадать какую-то тайну?

От этих невольных воспоминаний меня отвлек мамин голос в телефоне. Я забыла, что мы всё ещё разговариваем...

— Доченька, ты меня слышишь? — в её тоне сквозила тревога. — Ты замолчала так резко. Всё в порядке?

— Да, мам, — я тряхнула головой, возвращаясь в реальность. — Просто задумалась.

— О чём? — мягко спросила она.

Я замялась. Сказать правду? Рассказать, что меня мучит образ этого парня, которого я едва знаю, и груз ответственности, свалившийся на плечи без предупреждения? Или оставить всё при себе?

— О будущем, — наконец ответила я. — Пытаюсь понять, как со всем этим справиться.

— Ты не одна, — мама словно прочитала мои мысли. — И ты сильнее, чем думаешь. Помни: ты унаследовала не только фамилию, но и ум, и интуицию отца. Только в отличие от него, у тебя есть сердце. Это даст тебе преимущество.

Её слова снова окутали меня теплом, как тот воображаемый плед. Я глубоко вдохнула ночной воздух, чувствуя, как паника отступает, уступая место решимости.

— Спасибо, мам. Ты права. Я справлюсь. Просто нужно время, чтобы всё осмыслить.

— Вот и отлично.

— Хорошо. — я улыбнулась, на этот раз искренне. — Люблю тебя.

— И я тебя, доченька. До встречи.

Я нажала «отбой» и ещё раз взглянула на звёздное небо. Оно больше не казалось таким бездонным и пугающим. Где-то там, среди этих бриллиантовых точек, была и моя звезда — та, что укажет путь.

Сев на скамейку рядом с домом, я откинулась и закрыла глаза. Образ Никиты всё ещё маячил где-то на краю сознания, но теперь он не пугал, а скорее интриговал. Что скрывается за этим холодным взглядом? И почему, вопреки всему, мне кажется, что он тоже не так прост, как хочет казаться?

Я глубоко вдохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Холодный воздух немного отрезвил, а слова мамы придали сил. Я оглянулась на дом — музыка всё так же гремела, огни мигали в темноте, но теперь я чётко знала, что делать.

Я решила набрать девочкам снова. На этот раз ответила Саша.

— Ника, ты где? — её голос звучал встревоженно, но в нём ощущалась и та самая, знакомая мне нотка паники.

— То же самое хотела тебя спросить, — прохрипела я, пытаюсь унять дрожь. — Вы где?

— Мы на даче, ждём тебя. Вышли — около калитки стоим, рукой машем.

И тут меня пробрала ледяная дрожь. Я тоже стояла у калитки, но никого не видела. Мозг отказывался верить, но истина была неумолима: я была не в том доме. Таксист ошибся. Сердце забило где-то в горле. Что делать? Как добраться до девчонок? Как уйти отсюда, пока кто-ни-

будь не напоил меня или, что хуже, не... Именно такие мысли роились в голове, вспоминая рассказы о подобных вечеринках.

Я решительно отошла от дома, надеясь найти хоть какой-то ориентир — номер дома или название улицы, чтобы помочь девочкам меня найти. Огляделась по сторонам: вокруг — только тёмные силуэты деревьев, забор, ещё один дом чуть дальше. Фонарь над калиткой едва мерцал, бросая тусклый свет на асфальт.

— Саш, я, кажется, не в том доме, — голос предательски дрогнул, выдавая мой страх. — Таксист, похоже, меня не туда привёз.

— Господи, Ника! Найди хоть что-нибудь, какой-то знак, номер дома! Мы сейчас же выйдем к тебе, возьмём с собой ещё девочек. Оставайся там, прошу тебя. Не делай ничего!

— Хорошо, — я постаралась говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от ужаса. — Дом зелёный, двухэтажный. Во дворе большая беседка с голубой крышей. Очень громко играет музыка. Похоже, здесь вечеринка. Номер дома и улицы не вижу.

— Поняла, — Саша говорила быстро, но уверенно. — Оставайся у калитки. А мы пока двинемся в твою сторону — будем звонить тебе каждые две минуты, чтобы ты не оставалась одна. И, Ника, всё будет хорошо. Мы рядом. Слышишь?

— Слышу, — прошептала я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. — Спасибо, Саш.

Я прислонилась к забору, стараясь дышать ровно. Музыка из дома всё ещё гремела, но теперь она казалась далёкой, приглушённой тревогой и голосом подруги. Я достала телефон и проверила время: 22:17. Всего несколько минут назад я чувствовала себя потерянной и одинокой, а теперь знала — помощь близко.

Вновь оглядев дом сверху вниз, я почувствовала, как паника охватила меня с новой силой. Я мечтала только об одном: уйти отсюда, вызвать такси и умчаться домой.

Я никогда не была на таких вечеринках. Девочки звали меня много раз, но у них всегда были только девичники — с вином и развлечениями, но в чисто женской компании. Мы смотрели фильмы, общались в группе Саши, где обсуждали сериалы и книги, всегда оставаясь в нашем привычном кругу. Катя, например, бывала на подобных мероприятиях — и ей нравилось.

Егор тоже однажды звал меня на подобное мероприятие. Но я всегда отказывалась. Несмотря на чувства к нему, я боялась. Боялась, что он сделает со мной что-то. Для всех я была «маленькой девочкой», которую не отпускали, но я боялась, что он может воспользоваться моей наивностью.

Мама рассказывала мне о таких вечеринках, и подруги тоже говорили, что там часто пропадают дети. Я слышала истории про девочек, которых насиловали, а однажды девочка впала в кому после того, как её чем-то накачали. Эти рассказы будто впечатались в память, превратившись в набор жутких образов, которые всплывали в сознании всякий раз, когда речь заходила о шумных вечеринках.

Мама, вероятно, боялась, что я начну посещать такие места, и было странно, что она в итоге отпустила меня. Но я так настойчиво уговаривала её, рассказывала про те мероприятия, куда ходили мои подруги, показывала видео, которые они мне посылали. В конце концов она согласилась, сказав, что там намного безопаснее. Она любила моих девочек, всегда говорила, что с такими подругами со мной ничего не случится.

В памяти всплыли слова мамы о её школьной подруге. Они дружили ещё со школы. Но судьба распорядилась так, что мама уехала в наш город за папой, а подруга осталась в её родном городе. Мама часто вспоминала её, рассказывала, как они познакомились, когда маме было десять, и как та поддержала её, когда она перешла в новую школу. Когда я спрашивала, почему они больше не общаются, мама говорила, что подруга умерла от рака. Мама очень горевала. После отъезда они поддерживали связь по телефону и в соцсетях, но когда подруги не стало,

мама как будто потеряла часть себя. Эти воспоминания вдруг показались мне особенно болезненными — словно я ощутила всю глубину маминой утраты.

В трубке слышались крики. Саша отчитывала какую-то подругу за то, что та неправильно записала адрес, и теперь из-за неё я могу «погибнуть». Саша, конечно, умела драматизировать, но сейчас её голос звучал по-настоящему встревоженно:

— Ника, ты слышишь меня? Мы уже идем к тебе такси. Оставайся на месте, никуда не уходи! И ни с кем не разговаривай, поняла?

— Поняла, — мой голос дрожал, но я старалась говорить уверенно. — Я у калитки. Стою на виду, никуда не уйду.

— Умница. Мы будем на связи. Если что — сразу звони. И помни: мы рядом, даже если пока не рядом физически.

— У меня почти сел телефон, я его уберу, чтобы, если что, вас набрать или такси вызвать. Жду отряд спасения! — выпалив, я скинула трубку.

Положив телефон в сумку, я решила осмотреться, найти место, где меня не заметят люди из дома напротив, но где меня легко найдут девочки. Рядом, под большим деревом, была скамейка. Я уселась, подогнув ноги под себя, и приготовилась ждать. Сорок минут. Всего сорок минут, и всё будет хорошо. Я прочитала это про себя, как заклинание.

Прошло, казалось, целая вечность — около пятнадцати минут. Я решила позвонить девочкам, но телефон, словно сговорившись, никак не включался. Вот же досада! Как же мне им помочь, если они меня не найдут? Нужно было что-то придумать, но в голове было пусто. Единственная мысль, которая пробилась сквозь панику, — зайти в дом и найти зарядку.

С трепетом поднявшись со скамейки, я направилась к дому. Ледяная дрожь пронзила меня до кончиков пальцев ног. Переступив порог калитки, я услышала крик из дома, и сердце моё забилось, как пойманная птица. Страх сковал меня, но разве не случится ничего страшного, если я просто зайду и попрошу зарядку? Ведь меня не убьют...

Войдя внутрь, я начала искать кого-нибудь свободного, кто не увлечён объятиями. Увы, таких оказалось немного. На кухне я заметила двух парней, оживлённо беседующих. Они стояли у холодильника, держа в руках бутылки с напитками, и громко смеялись над какой-то шуткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.